

18+

Ульяна Гринь
ЦЕНА ПЕРВОЙ
НОЧИ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Ульяна Гринь

Цена первой ночи

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67551387

SelfPub; 2022

Аннотация

У меня есть пять дней, чтобы заработать пять тысяч долларов, иначе моя племянница умрёт. Ради малышки я готова на всё, даже продать себя богатому незнакомцу.

Содержит нецензурную брань.

Содержание

Переписка в ватсапе	4
Правило 1. Не ходи по улицам одна, не садись с незнакомцами в машину	5
Правило 2. Всегда запирай дверь	19
Правило 3. Советуйся только со знающими людьми	35
Правило 4. Шугаринг на ногах, ваксинг в области бикини	48
Правило 5. Всегда бери деньги вперёд	62
Правило 6. Пользуйся презервативом	77
Правило 7. Борись до последнего	91
Конец ознакомительного фрагмента.	95

Ульяна Гринь

Цена первой ночи

Переписка в ватсапе

«Правило первое: только красное бельё»

«Хорошо»

«Никаких вставок, исключительно красное. Поняла?»

«Да»

«Правило второе: полная депиляция тела»

«Хорошо. И руки?»

«Нет, руки не надо. У тебя же свои волосы?»

«Свои»

«Тогда не надо. Но всё остальное обязательно»

«Хорошо»

«Правило третье: никому не говорить про меня»

«Я и не говорю»

«Вообще никому! Это серьёзно!»

«Я поняла»

«Молодец. Тебе будет хорошо со мной»

«Верю»

«До вечера, малыш»

«До вечера»

Правило 1. Не ходи по улицам одна, не садись с незнакомцами в машину

На улице было тихо и светло. Ничего со мной не случится. Прогуляюсь немного (много) пешочком, ну а что, я мало двигаюсь, сижу целый день на жопе ровно...

Я вздохнула, оторвавшись от порога, и пошла к Невскому. Никто не виноват, что так получилось. Если бы у сменщицы не случилась катастрофа с машиной, я бы уже сидела дома на кухне. И ноги бы не гудели после полутора смен. Ну бывает. Хоть Катю предупредила, чтобы меня не ждала. Метро уже закрылось, три часа ночи – на улице почти никого, белые ночи заканчиваются. Туристов мало, июль в разгаре, и все двинули в Египет и в Турцию. Так что гопников в центре тоже почти нет. Ничего мне не грозит, кроме усталости. А эту неприятность мы переживём.

Свежий воздух немного отрезвил оболваненный посетителями и бесконечным протираанием бокалов мозг. Я полюбовалась пару секунд на лошадок Аничкова моста и свернула на набережную. От Фонтанки привычно несло чуть подгнившей, цветущей водой, но запахи не смущали меня. Кто в общепите работал, поймёт. В моём нынешнем кафе ещё ничего, нормально, а вот там, где я начинала – в караоке-клубе

бе, – голова в первые дни просто кружилась и болела. Там и блевали, и ссали... Зато теперь я смогла бы работать даже в бригаде смертельных чистильщиков...

– Девушка, а девушка!

Блин!

Главное – не оборачиваться. Притвориться слепоглухонемой. Иногда это срабатывает, и ребята неподобающего вида и рода деятельности переключаются на кого-нибудь другого. Но шансов ничтожно мало – я одна на улице, даже машин почти нет. Ускорять шаг нельзя. Нельзя вообще показывать, что услышала призыв, заметила самцов и испугалась.

Впрочем, я пока не была напугана. Была бы верующей, помолилась бы. А так... Вперёд шагай и шаркай ногами. Авось отстанут.

– Девушка, давайте знакомиться!

Не отстали. Блин. Более того, приближаются, судя по шагам. Блин, блин!

– Куда же вы? Вас такие интересные мужчины просят вежливо, а вы!

Выдохнув, я надела на лицо самую приятную улыбку и в лёгком полуобороте, не останавливаясь, сказала:

– Извините, я очень устала и иду домой.

– Да какое устала, детское время ещё!

Один из парней – дрыщ с чёлкой в пол-лица – подмигнул видимым глазом, а второй – пошире и повыше – крутанул пальцем ключи от машины на колечке и ответил:

– Чё ты такая неприступная? Смотри, какие мы все классные!

Прямо хор мальчиков-зайчиков, млин...

– Спасибо, мне надо домой, я правда очень устала!

– Да ладно тебе, не выёживайся! – вступил третий участник хора. – Хорошие ребята тебе предлагают развлечься, посидеть где-нибудь, выпить. Чё ты морозишься?

– Извините...

Вот сейчас самое время ускорить шаг.

Третий – развязный малый в рваных джинсах – ловко схватил меня за локоть:

– Да погоди ты! Успеешь ещё домой! Пошли, тут за углом кафешка есть.

– Или сразу ко мне, только купим что-нибудь бодрящее! – предложил второй. Первый хихикнул, остальные гыгыкнули. Бли-и-ин! Как мне от них отвязаться?

Вырвав руку, я отскочила на шаг и сказала громко:

– Меня мой парень встречает на машине! Скоро подъедет!

– Да ну его, как подъедет, так и уедет!

– У меня тоже машина есть!

Уже двое взяли меня под локти с весьма недвусмысленным намерением, и вырваться из сильных рук я никак не могла, хотя и трепыхалась в разные стороны. Нет, нет! Со мной не может случиться то, о чём читают в рубрике «Криминальная хроника»! Что делать? Кричать? Кто меня услышит в три часа ночи?

– Помогите! – выкрикнула я, крутя головой и пытаюсь разглядеть хоть каких-нибудь прохожих. Парни снова загоготали:

– Ну ты чего, мы же с серьёзными намереньями!

– Мы добрые!

– Никто тебе ничего не сделает! Покатаемся на машине, выпьем, поиграемся в доктора!

– Ну чего ты? Пошли!

Я пропала! Я пропала полностью и бесповоротно!

– Видишь, нет твоего парня!

– Опаздывает, во козёл, да?

– Мы лучше, правда?

– Да пустите вы меня! – я снова дёрнулась в сторону, всей кожей ощущая, как синяки набухают на локтях, и крик вышел уже жалобный, слабый, тоненький.

Совсем рядом скрипнули тормоза, резкий гудок разорвал томную тишину Фонтанки, и громкий голос позвал:

– Я же говорил не ходить пешком! Садись в машину!

Парни разом обернулись, чтобы уточнить, кто к кому обращается, а я воспользовалась заминкой и ослабленной хваткой, вырвалась и, подобрав упущенную сумку, резво пошла к чёрному седану с опущенным пассажирским стеклом. За рулём сидел мужчина лет тридцати с широко поставленными голубыми глазами. Заметив мои колебания, он сердито рявкнул:

– Садись, говорю! Домой поехали!

– Эй, чувак, ты кто такой? – очнулся развязный.

– Её парень! Могу выйти и попроще объяснить!

Без слов я рванула дверцу и плюхнулась на сиденье. Машина тронулась по набережной, быстро оставив позади разочарованных неудавшихся насильников.

– Пристегнись, – буркнул мужчина, достав пачку сигарет. – Куришь?

Я только помотала головой, автоматически защёлкнув пряжку ремня. Блин, меня только что спасли от троих придурков, не могу поверить! Надо же, парнем моим назвался...

– Куда едем?

– На Автово, – ответила я машинально, потом спохватилась: – Ой, не надо, я сама дойду! Спасибо, что выручили, конечно...

– Сиди спокойно и расслабься! Что за моду взяли – пешком по ночам разгуливать, – проворчал он, вбивая «Автово» в поиск навигатора. – Конкретнее адрес можно?

– Рядом с цирком, – пробормотала я. – Я с работы, вообще-то.

– Ну и что, такси нельзя было вызвать? Безголовые девки какие-то пошли!

– А если денег нет на такси! – рявкнула я, всхлипнула, чувствуя, что сейчас расплачусь. От обиды, от пережитого страха, от всего. А этот бессердечный спаситель только молча выдернул две бумажные салфетки из коробки и сунул мне. Пришлось вытереть глаза и высморкаться. А мужчина

только вздохнул с досадой.

– Я просто проездной на метро покупаю в начале месяца, – непонятно зачем принялась оправдываться, – а тут так получилось... Сменщица в аварию попала, машина не на ходу, других вызвать не удалось... Вот так...

– Мамке будешь объяснять.

– А чего вы злитесь, интересно?! – вспыхнула я. – Будто мне захотелось прогуляться в три часа ночи через весь Питер! И почему вы мне тыкаете? Мы на брудершафт не пили!

– Долго ли умеючи, – снова буркнул мужчина, сворачивая на проспект Стачек. – Вообще-то, я пять минут назад был твоим парнем, забыла?

Ну и что сказать на это? Вздохнув, я протянула:

– Спасибо ещё раз.

– Забудь, мне не жалко. А парню втык дай, чтобы не пускал одну по городу ночью.

– Был бы, дала бы... В смысле, втык.

Он только хмыкнул. Тормознул на светофоре, и в спинку сиденья прилетело что-то тяжёлое, двинув мне по почкам. Ойкнув, я оглянулась. Задняя банкетка была завалена вещами кое-как, а тяжёлым оказалась скользнувшая по сумкам микроволновка.

– Вы что, переезжаете? – спросила раздражённо, пытаюсь рукой отодвинуть угол печки от сиденья.

– Прости, – ответил он, отпихнув микроволновку. – Ага, ищу съёмную квартиру.

– Приезжий?

В уголке измученного мозга закрипели натруженные шестерёнки. Он ищет снять, я ищу сдать... Славянского вида, одинокий мужчина почти без вредных привычек и животных.

– Коренной. А что?

– У меня комната свободная есть. Как раз квартирант выехал позавчера.

Ну, допустим, не выехал, а сбежал, прихватив мою микроволновку и не заплатив за последний месяц... Но рассказывать об этом я не стану.

– Сколько?

– Десять плюс коммуналка.

– Интернет есть?

– Конечно. И холодильник, и стиралка. Санузел отдельный.

– Соседи?

– Я, сестра с дочкой и мать. Но комната запирается, не проходная.

– Согласен, – коротко ответил он и протянул руку: – Николай.

– Любовь, – я пожала тёплую твёрдую ладонь, обрадовалась – ура, не надо снова давать объявление и отвечать на бесконечные звонки джамшутов!

– Мы у цирка, – напомнил Николай. – Куда дальше?

– Ой, налево! – сообразила я. Чуть не пропустили пово-

рот!

– Ещё бы завтра предупредила!

– Теперь ещё налево, – я не стала обращать внимания на его ворчание – это уже клиент, а не просто первый встречный. Пусть себе ворчит, только бы деньги платил вовремя.

– Теперь куда?

– Не поверите, – съязвила всё-таки, – но за третьим домом налево.

– Опять? – поддел он меня.

– Снова, – возразила я. – Аккуратно, тут помойка торчит. Бак вечно ставили сикось-накось, из-за чего соседки яростно ругались с управляющей компанией, а незнакомые с топографией двора автомобилисты уезжали с царапинами и трещинами на фарах. Но благодаря мне Николай избежал поцелуя с углом помойного бака и остановился у первого подъезда. Я отстегнула ремень:

– Ну, пошли, покажу комнату. Если понравится, подпишем договор и можно заселяться, я там вчера убралась.

– Понравится, – откликнулся он. – Всё равно спать лучше, чем в машине.

– Есть ещё гостиница.

– Ты меня приняла за миллионера? Откуда у меня столько денег?

– Ну, есть номера дешевле частного сектора...

Я покачала головой, открывая дверь в подъезд. Чего я уговариваю, интересно? Для меня же лучше, если Николай сни-

мет комнату в моей квартире! Видимо, он подумал о том же самом, потому что усмехнулся, поправляя ремень спортивной сумки на плече:

– Тебе не выгоднее разве?

Вместо ответа я только плечами повела. Если честно, мне всё равно. Голова плохо варит после двенадцати часов «подай-принеси-соль-перец-ещёпива», а внутри, в том районе, где, говорят, сидит душа, всё сжимается, как вспомню масляные, пьяные глаза троих гопников. Сейчас разберёмся с комнатой, подпишем всё, что надо, если жильцу придётся по душе, и я разберу свой узкий диванчик на кухне, вытянусь во весь рост, закрою глаза...

Ключ повернулся в замке с привычным скрежетом, я зашла в коридор и, обернувшись, приложила палец к губам:

– Не шумите, все спят.

– Молчу, молчу, – поднял ладони Николай и с первым же шагом обрушил вешалку, на которую были набросаны зимние куртки. Я обречённо закрыла глаза, но со стороны комнаты не раздалось ни звука.

– Я дико извиняюсь...

Он поднял вешалку и принялся собирать куртки с пола. Отобрав всё и бросив на старое кресло, стоявшее у зеркала, я махнула рукой:

– Ничего, никто не проснулся. Оставьте, завтра прикреплю обратно.

Поставив сумку у стены, сняла с гвоздика ключ и кивнула

на запертую дверь совсем рядом со входной:

– Вот комната, которую я сдаю. Я там прибралась, проветрила, вот, смотрите – чистое бельё на кровати.

Николай огляделся, и мне показалось, что он слегка растерян. Мой взгляд скользнул по шторам, по матрасу, на котором стопкой лежали простыни, по коврику у кровати. Вроде ничего особенного, ничего шокирующего. Чего он застыл с таким видом, будто попал в трамвайное депо?

– Спасибо, – наконец ответил Николай. Пощупал матрас, сел на него и опробовал, попрыгав. Потом встал, сбросил сумку с плеча на кровать:

– Мне подходит.

– Ну и хорошо. Чаю хотите?

– А хочу!

– Тогда пошли на кухню. Деньги у вас с собой? Подпишем договор, попьём чаю и спать.

На кухне был бардак. Включив свет, я простонала с досады. Катька, блин, могла бы и убрать после ужина!

– Извините, сестра не успела помыть посуду.

Я быстро собрала грязные тарелки и сковородку с присохшими ошмётками омлета в раковину, плеснула Фейри и одновременно включила чайник. Тот зашипел, мигнул лампочкой и отказался работать. Ну конечно, кто-то попил чайку и забыл набрать воды. Катерина, блин...

– Я сейчас, вы садитесь.

Николай шагнул к столу, стукнувшись головой о полку с

поваренными книгами и декоративными чашками, зашипев при этом не хуже чайника. Не оборачиваясь, я посоветовала:

– На диванчик садитесь, там больше места.

Мы с сестрой всегда были худышками, ростом не выдались, поэтому нам кухня была в самый раз. А вот мужчины в ней уже помещались с трудом, тем более такие большие, как Николай. На диванчике ему самое то, без риска снести навесную мебель и ободрать магнетики с холодильника.

Пролезая на диванчик, Николай проворчал:

– Не кухня, а душевая кабинка какая-то... У меня уже начинается приступ клаустрофобии.

– Другой нет, уж простите.

– Моя машина больше этой кухни, – всё никак не успокаивался мужчина. – Ты никогда не думала расширить её?

– В какую именно сторону? – проворно намывая тарелки, поинтересовалась я. – Может, приделать балкончик снаружи?

– Ну почему... Можно с комнатой объединить.

Николай постучал в стену за спинкой диванчика, но я шикнула:

– Куда? Мать спит! Разбудите – вони будет!

– Как это вони?

Я прикусила язык. Ну его к чёрту! Правду узнает – тоже сбежит, как предыдущий жилец. Надо хоть подготовить как-то...

– Да это я так, образно.

– Ну я понял, что не в прямом смысле, – пробурчал Николай, снимая с полки книгу «100 блюд из картофеля». – Что, строгая мама?

– Да, что-то в этом роде.

Чайник уже вскипел, посуда встала ровненько на сушке. Я приготовила две чашки, сахар и ложечки, а потом достала с холодильника папку.

– Договор стандартный, никаких подводных камней нет. Паспорт у вас с собой?

Быстро и привычно заполнив два экземпляра, я вписала данные Николая в конце страницы и из чистого любопытства пролистнула странички в поисках штампов. Женат, дочь пяти лет, военнообязанный и к службе годен, прописан в Питере. Ну что, нормальный жилец. Главное, чтобы деньги вовремя платил.

Покончив с официальной частью, я поставила перед Николаем чашку чая:

– Предлагаю выпить за новоселье!

Усмехнувшись, он поднял чашку, и мы чокнулись. Отпив глоток, мой новый жилец поморщился:

– Ну и цифирь! Ты где сидела и по какой статье?

– Нигде. Просто кофе терпеть не могу, а обычный слабенький чай меня не будит.

– Просто ты его готовить не умеешь! – фыркнул Николай. – Я тебе покажу. И вообще, надо пить зелёный чай, но не в пакетиках, а развесной.

– Вы меня приняли за миллионершу? – я вернула ему его иронию и удостоилась фейспалма.

– Слушай, давай всё-таки перейдём на «ты», а то чувствую себя стариком.

Глянув в его смеющиеся голубые глаза, я тихонько вздохнула. Стариком он себя чувствует... Даже я себя чувствую столетней старушкой иногда после двух смен подряд... А этот женат и с ребёнком, вот только интересно, почему снял комнату. Жена, что ли, из дома выгнала? Ну, наверное, не просто так, а было за что.

– Ладно, можно и на «ты». Пьём чай и разбегаемся! Мне выспаться надо.

Лечь и вытянуть ноги. Только это, можно даже не спать... Просто лечь.

Николай заторопился, проглотил «чифирь» буквально в два глотка и встал, вовремя вспомнив о полке:

– Всё, ухожу.

– Не забудь, – я подала ему простенький брелок с двумя ключами и блямбой, – это от комнаты, это от входной двери, а это от парадной.

– Записал на подкорке! – улыбнулся Николай, и смешные морщинки разбежались от его глаз к вискам.

– Запирай дверь, – пробормотала я ему в спину и собрала чашки со стола. Помою завтра, ну нафиг. И Катерине дам втык. Да, ещё вешалку надо будет прикрутить... И обед приготовить. Блинский блин, забыла спросить у жильца, желает

ли он столоваться с нами или отдельно. Ну ладно, в первый раз можно и бесплатно, а там спрошу.

Задвинув табуретку под стол, я разложила свою раскладушку из диванчика, застелила постель и выключила свет. Белая ночь медленно уступала место летнему утру. Задёрнув лёгкие шторы, я подумала – в который раз! – что надо бы купить другие, поплотнее, чтобы выспаться по-человечески, а потом легла, мысленно махнув рукой. Потом. На следующее лето. Всё равно скоро август, будет темнее на улице.

Зато я нашла жильца. Избежала больших неприятностей. Отработала полторы смены, за которые мне заплатят. Всё будет хорошо.

Правило 2. Всегда запирай дверь

Кто-то легонько щекотал лицо. Это точно была не травинка, не волосок. И не муха – вчера только новую липучку повесила. Приоткрыв глаз, я скосила его на то место, где было щекотно, и вскрикнула от неожиданности. Страшная корявая морда вся в шипах и наростах торчала надо мной и пристально смотрела, словно гипнотизировала. Потом морда раскололась пополам, как будто Гуинплен улыбнулся. Широкая пасть с шипами, похожими на зубы, – наяву ли, в кошмаре?

На мой ор не сбежались толпы. Только Николай появился в кухне, горестно простонал: «О, Лариска!» – , потом нежно схватил чудище в объятия и испарился.

"Сон", – подумала я. И снова закрыла глаза. Но уснуть мне не удалось. Николай тихонько позвал:

– Люба! Прости, пожалуйста, но Лариска очень дружелюбная и общительная! Ты ведь не слишком испугалась?

– Я? Нет, – пробормотала, натягивая одеяло повыше на грудь. – Это же кошмар, да?

– Мою ящерку часто называют кошмаром, – усмехнулся жилец. – Но она безобидная!

– Ящерка?!

Я резко села на раскладушке и уставилась на него, пытаюсь проснуться. Какая ещё, нафиг, ящерка? Ящерки миленькие,

маленькие, а это чудовище в колючках и в наростах!

– Называется бородатая агама. Абсолютно безопасная!

– Только не для моей психики.

Я вдруг заметила, как Николай смотрит на меня и отнюдь не в глаза, опустила взгляд и быстро прикрылась. Маечка на бретельках сползла, почти открывая грудь. Жилец смутился:

– Извини. Ну и за Лариску тоже.

– Сколько времени? – пробурчала, потянувшись за мобильником.

– Полдевятого.

Из моей груди вырвался душераздирающий стон, и я упала обратно на подушку, натянув одеяло на голову, отчего пяткам сразу стало прохладно:

– Блинский блин, ну неужели я никогда не выплусь по-человечески?

– Спи-спи, я ухожу.

– Поздно...

Кое-как завернувшись в тонкое одеяло, поднялась, но на кухне сразу стало тесно. Попросила:

– Нажми кнопочку на чайнике, пожалуйста! И выйди, дай диван сложить.

– Сей момент!

Николай щёлкнул выключателем на чайнике и передвинулся ближе к двери:

– Извини.

– Да хорош уже извиняться!

Мне захотелось бросить в него чашкой из раковины, но стало жалко чашку. Ну, и жилец всё-таки, обижать нельзя. Деньги нужны кровь из носа.

Николай пробормотал что-то неразборчивое, но мне показалось, что он снова извинился. Да что ж такое... Во всяком случае, из кухни он исчез, дав мне возможность натянуть штаны и пуловер. Сейчас попью чаю и схожу в магазин, потрачу вчерашние чаевые на еду.

В супермаркете через дорогу я купила кило пельменей и пачку творога. Аришка давно сырников просила, да всё руки не доходили. Подумав, взяла майонез и кетчуп – кто этого Николая знает, что он с пельменями любит. На вечер приготовлю им драники, картошка ещё осталась. Может, салатик какой-нибудь с помидорами к пельменям? И хлеба, хлеба булку забыла!

В результате вышла из магазина я с двумя пакетами, полными под завязку. Потаскилась к дому, как старая тётка, всей кожей ощущая усталость и тяжесть мешков. Тележку, что ли, купить? Тогда точно буду выглядеть как соседская бабуся, которая каждый день таскается на базар... Да пофиг. Для кого мне летать птичкой и излучать красоту и молодость? На работе вон улыбаться задалбываюсь, но там я обязана. А на улице ничего никому не обязана. Даже вот этому симпатичному парню, который окинул меня долгим взглядом и усмехнулся. Не исключено, что его насмешил мой вид.

Едва удержавшись, чтобы показать ему язык, я поспеши-

ла домой. Вот моё гулкое парадное с облупившейся краской на стенах и щербатыми перилами. Вот моя дверь с поцарапанной обивкой, в которой не хватало гвоздиков. Вот мой ключ...

Ой!

Открыв дверь, я наткнулась на спину Николая, который балансировал на табуретке и забивал в стену дюбель.

– Что ты делаешь? – недовольно спросила, протиснувшись в коридор.

– Вефалку вефаю, – ответил жилец невнятно, потом вытащил шурупы изо рта и вежливо пояснил: – Я же её вчера оборвал. Вот, ставлю на место.

Он положил молоток и взял дрель, которая обычно пылилась в кладовке. С натужным «вж-ж-ж» вкрутил первый шуруп. Я закатила глаза. Сейчас всех разбудит... И точно. Всего через несколько секунд дверь в комнату сестры приоткрылась, и Катя выглянула в коридор, зевая во весь рот:

– Что за шум? Спать невозможно! Ой! Вы кто?

Сняв палец с кнопки дрели, мужчина на табуретке широко улыбнулся:

– Здравсьте, Николай!

– Новый жилец, – пробурчала я, пронося сумки на кухню мимо сестры. – Доброе утро.

– Доброе. – Катька сунулась за мной, шёпотом спросила: – А где ты его откопала?

– На Фонтанке, когда с работы домой шла.

– Ни фиги себе! Ты уже с улицы жильцов приводишь?

Новый «вж-ж-ж» заставил меня поморщиться. Или это был возмущённый вид сестры?

– Кать, отстань, а? Кстати, могла бы вечером посуду помыть.

– Ты вообще во сколько вернулась вчера?

– В полчетвёртого. А что?

– Ничего! Тебя никогда нет дома! А когда есть – ты спишь! А Аришке весь вечер было плохо, между прочим!

Со вздохом я открыла холодильник и запихнула в морозилку две пачкипельменей. Разложила остальные продукты и ответила, постаравшись скрыть раздражение:

– Работать же надо кому-то. Кать, не доставай, пожалуйста! Включи чайник.

– Сверлит! – откликнулась сестра, нажав на кнопку. – Аришку разбудит!

– Зато вешалка болтаться перестанет.

– Она и так нормально висела...

– Пока не упала.

Катька хмыкнула и ушлёпала к себе. Её место занял заглянувший в кухню Николай:

– Хозяйканама, принимай работу! Я там биль, биль, всё пробиль!

– Как пробил? Куда пробил?

С перепугу я выскочила в коридор, но жилец засмеялся:

– Шутка, эй! Ты что, «Нашу Рашу» не смотрела?

– Я телик вообще не смотрю. Не заметил? У меня его нет. Вешалка с виду держалась нормально. Осторожно взявшись за крючок, я подёргала, потом повесила куртку, вторую, обернулась:

– Вроде не падает.

– Обижает! – усмехнулся Николай. – Заслужил ли я чай?

– Заслужил.

– Только давай я сам заварю.

Я внимательно посмотрела на него, раздумывая – обижаться мне или пропустить мимо ушей. Решила пропустить. Пусть шутит. Я люблю мой чифирёк.

Впрочем, Николай умел не только приколачивать вешалки. Чай заваривать он неожиданно тоже умел. Сначала он отмерил пять ложечек заварки без горки. Потом залил буквально каплей кипятка и прикрыл заварочный чайник крышкой. Положил в чашки рафинада. Подмигнул мне:

– Сейчас будет не чай, а симфония!

– А у меня что тогда?

Я сидела на диванчике и подшивала подол Аришиного нового платяца. Мелкая плохо росла в высоту, зато в ширину – как и положено в её возрасте. Николай помотал головой:

– Ты обидишься.

– Вот ещё.

– Ладно. Я предупредил. У тебя блатной шансон.

– Ах-ах!

Я только хмыкнула, постаравшись вложить в этот звук как

можно больше язвительности. Тоже мне, знаток музыки нашёлся! И вот ведь нормальный человек вроде, а на всё своё мнение имеется... Аж противно.

Николай заглянул в заварочный чайник и довольно улыбнулся:

– Ещё немножко!

Долил ещё раз закипяченной водой и снова закрыл крышкой. А я вдруг вспомнила и спросила:

– А ты работаешь где-нибудь?

– Я фрилансер. Сайты делаю.

– Фрилансер...

Это плохо. Это очень плохо. С этими фрилансерами никогда не знаешь: будут деньги, не будет денег... Они кормятся заказами, а нет заказов – нет оплаты за комнату. Может, его за это жена выставила из дома? Мало зарплаты приносил, бездельничал... Ящерица ещё эта. Страшная.

– Держи.

Передо мной появилась кружка, от которой поднималась тоненькая струйка пара. Запах... Запах был восхитительный. Просто божественный. Глянув на Николая, который стоял у стола и чуть ли не лопался от нетерпения, я отхлебнула глоток и зажмурилась. И правда, симфония. Такая... классическая, с духовыми, с дирижёром, со скрипками! Иногда ребята-бармены ставили по приколу. Чайковский, что ли.

– Спасибо, вкусно.

Николай хмыкнул:

– И всё? Вкусно – и всё?!

– А что, надо прилагательными разукрасить? Или наречиями?

– Ну, я не знаю... Как-нибудь развею тему, что ли.

– Очень вкусно, – из вредности добавила я, и тут из коридора раздался звонкий радостный вопль:

– Косицка!

– Опа, Аришка на свободном выгуле! – я отложила шитьё на полку для книг и встала. – Интересно, где она кошечку нашла?

Николай, которому открывался лучший вид на коридор, пробормотал с улыбкой:

– Ну, это не совсем кошечка.

– Опять?!

Моя племяшка, смешно трясая светлыми хвостиками на макушке, сидела на корточках и тянула ручки к шипастой морде бородатой агамы, которая застыла, припав животом к полу коридора.

– Ариш, иди ко мне, заяц! – тихонечко позвала я. – Оставь... зверюшку.

– Косицка! – мелкая глянула на меня светящимися глазёнками, и я невольно улыбнулась – такой Аришка была счастливой. Вот только губки никак не порозовеют... Пальчики тоненькие, ногти голубые... Эх, малявка моя...

– Это не кошечка, – вмешался Николай, потеснив меня с

прохода.

– Сабаська?

– И не собачка. Это Лариска.

– Лялиська! Халёся?

– Очень хорошая.

– Алиська погладит?

– Погладь, не бойся.

– Нет уж, не надо никого гладить! – воспротивилась я. –

А вдруг укусит?

Николай обернулся на меня с таким выражением на лице, будто я заявила, что слоны несут яйца:

– Лариска не кусается! Она травоядная и иногда ест насекомых. А людей не ест.

Пока мы препирались, Аришка бесстрашно гладила мерзкую ящерицу по треугольной голове, а животина жмурилась. Надеюсь, от удовольствия, а не от мыслей, как получше укусить мелкую.

Мы образовали весьма живописную скульптурную группу, которую заметила Катя, выходя из комнаты. И спросила:

– А чего вы тут застыли? Ариш, что ты там нашла?

Разглядев находку, Катерина издала вопль, напомнивший мне сирену противопожарной безопасности, которую включали у нас в городе иногда, чтобы проверить работу оборудования. Даже подъём на третьей ноте был точно такой же – высокий и стабильный. Ящерица припала к полу и юрко

побежала к двери жильяца. Ариша вздрогнула и огорчилась вслед:

– Лялиська... Мама пугала.

– Не смей трогать эту гадость! – взвыла Катя, хватая мелкую на руки. – А вы... Вы! Я не понимаю подобной безответственности! Запирайте ваше чудовище в клетку! Люба! Как ты могла пустить в квартиру человека с животным?! Ариша больна, вдруг с ней случится приступ?!

– Тётя Юба, хацю Лялиську! – проныла мелкая, и я со вздохом улыбнулась ей:

– Мама сказала нельзя, значит, нельзя. Пойдём, я тебе какашку сделаю! А потом будем сырники месить.

– У меня самого чуть приступ не случился, – буркнул Николай, поспешно ретируясь вслед за Лариской. – Простите.

Опять извиняется... Вот же! Лучше бы следил получше за своей зверюгой!

В два я увернула воду под кипящими пельменями и пошла в коридор. Постучавшись в дверь жильяца, громко спросила:

– Николай, ты обедать будешь?

Шаги. Дверь открылась, и жилец высунул голову:

– А если буду?

– Тогда прошу на кухню.

– Приглашаешь? Кто платит за банкет?

– Не банкет, а всего лишь пельмени, – я пожала плечами.

– Темнота-а-а... – он покачал головой и отмахнулся: –

Всё, иду.

Повернувшись, я наткнулась на сестру. И испугалась:

– Кать, ты чего?

– Аришка!

Катя тряслась мелкой дрожью и кусала губы. Я схватила её за плечи и встряхнула легонько:

– Чего?

– Приступ у неё, опять! Задыхается!

– Собирай ребёнка, а я в «Скорую» звоню.

Внутри всё всколыхнулось, залило жаром и опало. Так, мобильник. Выключить пельмени. Номер сто двенадцать. Полис, паспорт, папка с Аришиными выписками...

– Блинский блин!

Скорая занята!

– Что случилось?

Николай заглянул на кухню и стал свидетелем, как я нервно тыкаю в сенсорный экран. Бросила коротко:

– У Арины приступ, а Скорая не отвечает!

– Я отвезу, спускайте её в машину!

– Да не надо, ответят же...

– В машину! – рявкнул Николай и скрылся.

Зажмурившись, я приняла решение. Пока Скорая приедет... Даже с мигалкой... Пока разберутся, куда везти... На машине будет быстрее.

– Катя! Готовы? В машину, давай, давай!

– А Скорая? – замороженная сборами Катька держала в охапке синеющую Аришку, которая хрипела с каждым вдо-

хом и выдохом и только цеплялась за куртку матери скрюченными пальчиками.

– Не спорь, бегом!

В машине Николай спросил, заводя мотор:

– Куда едем?

– В первую детскую, знаешь? Тут недалеко, на Авангардной!

– Понял.

До больницы мы домчались, наверное, даже быстрее, чем довезла бы Скорая. Николай вполне мог бы принять участие в ралли Париж-Дакар, думала я, отчаянно цепляясь за поручень на дверце. Катерина рыдала в голос, пугая Аришку, которая единственная вела себя молодцом.

После моего крика «Ребенку плохо!» в приёмном покое каталка появилась в течение нескольких секунд, молодой врач принял папку с документами и попытался выспросить у Кати симптомы, но мне пришлось отпихнуть невменяемую сестру:

– У неё АЛА с ДМЖП, единственный желудочек, ждём операцию Фонтена в Германии, внезапно стало плохо.

– Спасибо, ждите в приёмном покое.

И я, проводив долгим взглядом каталку, вернулась к Николаю, который растерянно топтался посреди помещения:

– Всё, теперь только ждать.

– Ну, будем ждать, – кивнул он, присаживаясь на скамейку.

– Не, мне надо домой, переодеться и на работу.

– Уверена? Может, отпросишься?

– А деньги кто мне заплатит, если я отпрошусь? Давай уж, вези меня домой.

Оставлять Аришку и Катю, конечно, не хотелось. Но выбора у меня не было. На кого надеяться, кроме как на себя? Надо собирать на операцию, нам не хватает совсем немного...

Уже в квартире я ахнула, вспомнив:

– Пельмени! Я выключила пельмени или нет?

– Судя по отсутствию запаха гари – выключила, – усмехнулся Николай и пошёл в свою комнату. Я же бросилась на кухню. Выдохнула: газ и правда не горел. Как говорила Катюшка, у меня не мозги, а калькулятор. Но, убей бог, не помню своих действий. Ладно, и то хорошо. Только пельмени совсем размокли, превратившись в склизкую массу с комочками фарша. Пришлось вылавливать всё это безобразие шумовкой прямо в помойное ведро.

– Слушай...

Николай стоял в дверях и выглядел растерянным.

– Что, опять ящерицу потерял? – съязвила, но он помотал головой:

– Ноут пропал. И планшет.

От неожиданности я выпустила шумовку, и та с грохотом упала в кастрюлю с мутной водой. О нет. Только не это!

– Ты комнату запираешь?

– Забыл.

– Ясно.

Решительно отодвинув его с прохода, я бросилась в комнату матери. Ну зараза! Опять начала! За что такое наказание?! Что такое ужасное я сделала в прошлой жизни, чтобы мне высшие силы послали подобную мать?

Комната оказалась не заперта. Забыла. Ну конечно! Запах холодного пепла и перегара витал в полуголой комнате, концентрируясь над женщиной, грузной, грязной, с серым лицом и сальными волосами. Женщина налила в гранёный стакан водки и выпила на одном дыхании, даже не поморщившись. Схватив за плечо и едва преодолевая отвращение, я затрясла мать, крича ей в ухо:

– Ты что сделала? Ты опять вещи из дома выносишь? Опять воруеть?

Она отставила полупустую бутылку, и на меня глянул один глаз. Второй не дофокусировался и смотрел в стену. Мать прочистила горло и хрипло каркнула:

– Отвали! Чё орёшь? Это не я!

– А кто?

– Не я! Садись, выпей с матерью! Уважь...

– Да пошла ты!

Я пнула ногой картонку, из которой торчали горлышки полных бутылок, и те недовольно звякнули. Ясен пень, не она... Никогда не она... И телик не она, и микроволновку первую, и кофеварку... Хоть бы допилась уже вконец, хоть

бы кто водки палёной подсунул!

Выскочив в коридор, я наткнулась на Николая, который, прищурившись, смотрел на меня. Блин. Блинский блин! Придётся ему деньги возвращать, да ещё доплачивать за ноут. И планшет какой-то...

– Я очень сильно извиняюсь, – пробормотала, не зная, куда девать глаза. – Я верну деньги за всё... Извини, пожалуйста!

– Теперь ты извиняешься! – сострил жилец. – Быстро женщина обернулась. Тут что, ломбард есть?

– Скупка, буквально через две дороги... Её там уже знают все.

– И вопросов, конечно, не задают, – пробормотал Николай, доставая мобильник из кармана.

– Прости, я обязательно верну деньги, – снова покаялась я. Все остальные слова, как, впрочем, и эти, казались мне совершенно пустыми и глупыми. Дважды человек мне помог, а я его так подставила. Молодец, Любка, ничего не скажешь...

– Мишань, привет!.. Да, я, да так, по-старому... Слушай, у тебя на Автово есть кто толковый?.. Тряхнуть хозяина скупки на предмет торговли краденым... Да, вот прям шас, да... У меня, у кого ж ещё украли! Ноут и планшет графический, номера серийные я тебе скину СМСкой.

Я испуганно взмолилась:

– Пожалуйста, Николай, я ведь сказала, что верну деньги!

Он отмахнулся и продолжил:

- Ага, спасибо! Ясен квасен, с меня поляна! Всё, жду!
- Отключившись, он спрятал телефон и глянул на меня:
- Слушай, хозяйка, а обеда не будет?

Правило 3. Советуйся ТОЛЬКО СО ЗНАЮЩИМИ ЛЮДЬМИ

Я прикусила губу, не зная, что сказать, как ещё просить не заявлять в полицию на мать, но Николай махнул рукой:

– Да не смотри ты так! Мы с Мишкой со школы дружим, он мне всё неофициально вернёт.

– А как же...

– Сам виноват, ты мне говорила дверь запирать, а я забыл.

– Значит... Ты остаёшься? Договор не расторгаем?

Я не могла поверить собственным ушам. Прошлый жилец кинул меня только из-за того, что мать, напившись, громко орала в своей комнате, причём даже не ночью и не рано утром. А этот даже из-за кражи не станет заявлять... Он что, святой, что ли?

– Яичницу будешь? – спросила я в ответ на его пожатие плечами. На этот раз Николай кивнул. И я пошла на кухню зажигать газ под сковородкой. Яичница была моим семейным блюдом: мать рано перестала заниматься нашим с Катериной воспитанием, а моя сестра никогда не любила готовить. Она любила подметать, выносить мусор и, пользуясь случаем, курила у подъезда с пацанами. Готовила я. Яичницу, горячие бутерброды (ибо начиталась о вреде сухомятничества) и, конечно, пельмени. Когда было на что их купить.

Пообедав в молчании, я отказалась от услуг такси, так мило предложенных Николаем, и потопала на метро. Перетерпев полчаса толкотни в час пик, пробежалась по Владимирскому до Литейного и влетела в любимое кафе как раз в пересменку. И закружилась, и понеслась: то соль, то вилку, то пива, а то «повторите нам, а давайте за наш столик, вы такая симпатичная!»

В общем, когда я услышала вибрацию телефона в кармане форменной юбки, было уже полшестого вечера. Глянула на экран – Катя. Начиналось вечернее караоке. Крикнув напарнице, чтобы присмотрела за моими столиками, я бросилась в туалет и закрылась в кабинке.

– Кать, я слушаю!

Сестра рыдала. Я даже не поняла сначала, что она пыталась мне сказать сквозь всхлипы, а сердце остановилось, пропустив пару ударов. Не дай бог, с Аришкой... Не дай бог, Аришка совсем плоха!

Спаси и сохрани!

– Катерина! Выдохни, вдохни и начни сначала!

– Операция...

И снова рыдания.

– Что операция?

– Операция! Срочно! Надо! Не дождемся!

Я опустилась на корточки, опираясь на перегородку туалета. Как срочно? Ведь врачи обещали, что у нас есть ещё полгода! И в Германии нас в план поставили на декабрь...

– Кать, врач что конкретно сказал? Внятно!

– Две недели максимум, – внезапно успокоившись, вполне внятно ответила Катерина. Правда, голос был как чужой, убитый. Я будто увидела сестру – бледную, потерянную, с телефоном в коридорчике. Одну-единёшеньку. Катька... Две недели – это так мало!

– Как Ариша? В сознании?

– Стабилизировали. В сознании. Она не плачет. Сделали эхо, сказали – всё плохо, очень плохо... Любаш, что делать? Что делать-то?

Растерянная, моя Катька... Что делать, что делать... Деньги искать! Я всё распланировала на полгода, нам должно было хватить времени, а теперь...

– Любаш, они хотят звонить в Асклепиос, договариваться о переносе операции, о срочности, а денег-то не хватает!

– Пусть звонят! Слышишь, Кать! Скажи, чтобы звонили и договорились обо всём!

– А деньги?

– Я найду.

Найду. Зажмурившись, я потёрла лоб ладонью, ощутив жар изнутри. Не знаю, как именно, но найду. Аришка, моё маленькое солнышко, моя «косицка» мелкая, будет жить!

Кое-как отработав смену и неизвестно каким макаром умудрившись не накосячить с заказами, потому что голова работала в другом направлении, я отпросилась у арт-директора на завтра, а потом побежала на метро, чтобы успеть до

закрытия. Заскочила в последний вагон, в уже закрывающиеся двери, и плюхнулась на сиденье, закрыв глаза и выдохнув от облегчения. А ведь это знак судьбы! Успела – значит, завтра найду выход. Обязательно.

Поскольку научить дуру – дело гиблое, я попёрлась от метро через дворы и парк, совершенно не думая ни о чём, кроме завтрашнего плана действий. И, разумеется, заслужила свист в спину и «девушка, у вас сигаретки не найдётся?» Если бы не мысли о деньгах, я бы обязательно испугалась и прибавила шагу. Но молодые люди гопнической наружности удостоились лишь короткого «Не курю!» даже без взгляда в их сторону. Вероятно, это их обескуражило, потому что до дома я добралась спокойно.

Открыв дверь ключом, сбросила кроссовки и поплелась на кухню. Машинально ухватила кусок пирога с блюда и сунула в рот, доставая телефон. Вкусный пирог, яблочный... Где моя почта? Открыла приложение и начала искать адрес фонда помощи тяжело больным детям, который помогал нам собирать деньги на Аришкину операцию.

Стоп машина! Откуда у меня в доме яблочный пирог?

Я отложила телефон, осмотрела явление природы со всех сторон. Форма была наша, я в ней иногда пекла шарлотку, а в помойке не обнаружилось никаких картонок из магазина. Кто, интересно мне знать, испёк пирог, пока я была на работе?

Из коридора слышался скрип двери, шарканье тапочек

по полу. Обернувшись, я ожидаемо увидела в проёме Николая.

– Чего не спишь? – вместо приветствия пробормотала, нажимая на кнопку чайника.

– Ненормированный рабочий день, – хмыкнул он. – Да, чай буду. Пирог вкусный?

– Вкусный. А откуда?

– Я сделал.

Николай даже как будто обиделся, когда я засмеялась, не в силах сдержаться. Он? Пирог? Сам сделал? Мужик?

– А что тут такого? – буркнул он, устраиваясь на табуретку. – Я и суп сварить могу... Только у тебя лука нет.

– А без лука суп – никак?

Я приготовила две чашки, тарелку под кусок пирога, села напротив, на диванчик:

– И что ж ты, такой хозяйственный, да ещё и женатый, живёшь на съёмной квартире?

Я не хотела язвить. Но так получилось. Наверное, просто настроение такое. Я люблю, когда всё идёт по плану, когда каждый месяц повторяется одно и то же, когда банк снимает нужную сумму с моего счёта, а я так же кладу на него определённую сумму. А сейчас траблы, траблы, сплошные траблы...

– Прости, я не хотела тебя обидеть.

Николай молчал. Я поставила перед ним тарелку с пирогом, налила закипевшую воду в чашку и села на диванчик:

– Правда, прости.

– Хорошо извиняться, – тихо сказал Николай. – Я женат, но пока. Моя жена подала на развод и выставила меня с вещами.

– Суп плохой варил?

– Денег мало зарабатывал. Ешь пирог. Слушай, у тебя новости есть про Аришку?

– Есть.

Со вздохом я куснула ещё пирога и прикрыла глаза. Только отвлеклась... Надо завтра сходить в банк, спросить про новый кредит. Мне надо всего пять тысяч евро. Должны дать, ведь я всегда плачу исправно!

– Аришке нужна срочная операция. Надо дособрать денег. Завтра пойду по банкам.

– А много надо?

– Много. Возьму кредит, ничего. Ну, и надо готовиться ехать в Германию.

– Сколько?

Я не хотела говорить, но Николай смотрел на меня, не отрывая взгляд. Передёрнув плечами, ответила:

– Пять тысяч евро.

– Много, – покачал головой он. – Я столько не зарабатываю... Прости. Я бы дал.

– Ничего. Я понимаю.

Стало грустно. Конечно, я надеялась, что Николай скажет – да без проблем, завтра сниму деньги и дам тебе под расписку, под залог, под проценты... А у него нет.

– Ладно, спасибо за чай. – После неловкой паузы Николай поднялся и убрал посуду в раковину. – Пойду спать. Завтра будет новый день, всё образуется.

– Спокойной ночи.

Я постаралась ответить вежливо, хотя хотелось рявкнуть. Но рявкать-то не за что, надо быть вежливой с жильцом. А то опять сбежит, даром что такой добренький. Да и прав он, завтра будет новый день, новые возможности, всё будет хорошо.

Похоже, ночью я плакала во сне. Утром лицо оказалось опухшим и местами красным. Пришлось умываться ледяной водой и пудриться, хотя обычно не крашусь. Но не идти же в банк в гриме зомби! Выпив чашку чифиры по своему старому рецепту, я выскользнула из квартиры, как индейский следопыт Чингачгук. Даже ключами не брякнула. Николай небось спит, а с матерью лучше не встречаться. Для неё лучше.

До обеда я успела побывать в трёх банках. В моём родном Сбере документы и заявку приняли, но молодой сотрудник кредитного отдела скептически сказал, качая головой: «Не ждите положительного ответа». В двух остальных на меня посмотрели как на пациентку Кащенко, только что пальцем у виска не крутили. В принципе, они правы. С моими доходами... К тому же уже один кредит висит, рабочий стаж у меня невелик и поручителя нет. Но я хотя бы попыталась.

Настроение резко упало куда-то далеко ниже отметки

ноль. Из третьего банка я вышла растерянная и словно разобранная на части. Нужно было срочно восстанавливать силы и состояние духа, поэтому я зашла в первое попавшееся кафе и попросила крепкого чая с пирожным. Получила корзиночку с фруктами в желе и чашку, села за столик у окна и задумалась, помешивая ложечкой сахар.

Когда нам озвучили сумму на операцию и реабилитацию для Аришки в немецкой клинике – тридцать тысяч, – в первый момент Катя улыбнулась и сказала: «Ну, это мы найдём, правда, Люба?» Но врач только покачал головой и добавил: «Евро». Глупо, конечно, но сестра не переставала улыбаться всё время, пока мы были в больнице. Вернувшись домой, она словно очнулась и забилась в истерике. Сжимала Аришку в объятьях так, что мне пришлось отобрать мелкую – не задушила бы. И я, и Катя, обе мы понимали, что самим нам никак не наскрести на лечение ребёнка.

Но, поплавав вместе с сестрой, я начала искать пути выхода. Перерыла интернет и написала на сайт помощи детям с пороком сердца. Взяла кредит. Пошла по знакомым и коллегам. Даже к управляющему кафе обратилась. Так вышло пятнадцать тысяч. Ровно половина. Ещё десять тысяч ждут на счету клиники от немецкого благотворительного фонда. Я распланировала все затраты на последующие полгода, чтобы успеть накопить остаток, вела странички Ариши во всех соц-сетях, и деньги капали. Потихоньку, но капали. А теперь...

Пять тысяч евро за две недели – миссия невыполнима.

Хорошо, что те, у кого я одалживала, пока не просят вернуть долг. Управляющий тоже сказал, что подождёт. Может быть, найти вторую работу? И желательно неофициальную, чтобы платили каждый день... Только как ее найти за один день?

Господи, если ты есть, дай мне знак, подскажи, что делать...

– Егорова? Это ты?

Подняв голову, я уставилась на платиновую блондинку, которая стояла рядом с моим столиком и пялилась изумлённо. Ох ты ж боже мой, ничего себе встреча!

– Зая? Ты что тут делаешь?

– Это моя любимая кафешка, я всегда тут обедаю. – Она плюхнулась напротив и махнула рукой официантке: – Кофе и черничный пирог! Ну, рассказывай! Сто лет не виделись.

В паспорте у моей бывшей одноклассницы стояло, разумеется, имя Зоя. Но на моей памяти её никто так не звал класса с шестого. Зайка, Зайчонок, Зая. Миленькое пухлое личико, голубые глазки и добрая улыбка были её визитной карточкой. Не девушка – кавайная няша. Сейчас она немного похудела и выглядела типичной медийной блондинкой. С Заей мы не то чтобы дружили, но никогда не враждовали. Поэтому я просто пожала плечами:

– Нечего рассказывать. Всё как у всех.

– А ты не изменилась. Такая же скрытная и замкнутая! – усмехнулась Зая. – Быт заел? Работу ищешь? Учишься? Не

иначе как на медицинском, потому что выглядишь – краше в гроб кладут!

– Работаю, учиться не пошла.

Я отпила глоток остывшего чая и улыбнулась:

– А выгляжу... Просто не накрусилась с утра.

– Ну ты, Егорова, даёшь! Я без макияжа мусор не выношу! – и Зая засмеялась собственной бородатой шутке, потом спросила уже серьёзно: – Проблемы, да?

– Проблемы. С деньгами, – сдалась и я. По виду одноклассницы у неё точно не было финансовых траблов. Может, даст в долг?

– Ну, солнце моё! У кого их нет, проблем с деньгами!

Зая никогда не могла быть серьёзной надолго. Вот и сейчас, получив свой кофе с пирогом, зашебетала почти без перерыва:

– У меня тоже был такой период. А теперь я полностью выбралась из долгов, работаю на себя, занимаюсь любимым делом, да ещё и полезным для нас, девочек! Кстати, ты могла бы тоже попробовать, хотя с твоими талантами к макияжу не думаю, что у тебя получится...

О нет! Сейчас она мне предложит вступить в секту Амвон/Орифлейм/Гербалайф! Придётся убежать из кафе, не заплатив. Или я уже отдала деньги за пирожное?

– Мне бы не хотелось соваться в сетевую торговлю, – сказала я мягко, чтобы не обидеть человека, но Зая только расмеялась:

– Ты что! За дуру меня принимаешь? Я и сама туда не ногой! Я ничего не продаю, только покупаю.

– Так чем ты занимаешься?

– Я бьюти-блогер! – объявила Зая с такой гордостью, словно была первым лётчиком-космонавтом, побывавшим на Марсе.

Поскольку я смотрела на неё непонимающим взглядом, пытаюсь сообразить, где слышала это слово, бывшая одноклассница сжалилась и объяснила:

– Я записываю видосики, как делать макияж, как ухаживать за лицом, как делать... ну, например, масочки для волос. Что, ни разу не видела на Ютубе?

– Да как-то не довелось, – я качнула головой, допивая чай. – И что, смотрят люди?

– У меня сто пятьдесят тысяч подписчиков! По сто «ка» просмотров на видео! – Зая совсем раздулась от гордости, а я снова пожалала плечами. Нет, конечно, я за неё рада, но чем это поможет лично мне?

– Прости, я не в курсе этих последних веяний моды.

Зайка окинула меня критическим взглядом:

– Да, я это заметила. Ты консилером не пользуешься? Зря. У тебя та-акие мешки под глазами – картошку можно носить с рынка!

Я машинально потёрла нижние веки и призналась:

– Не высыпаюсь. Ничего, пройдёт...

– Не пройдёт! Купи хороший тональник, например, «Лан-

ком» – мне очень нравится, а к нему консилер, замаскируешь всё, будешь нормальной красивой девушкой, а не старой тёткой, как сейчас.

– Спасибо за совет, – я очень сильно постаралась, чтобы мой голос прозвучал сдержанно, а не зло. – Слушай, ты мне не могла бы одолжить денег? Правда, надо срочно. Я отдам с процентами, если хочешь, даже расписку напишу.

– А тебе сколько надо? – сразу насторожилась Зая.

– В идеале – пять тысяч евро, – вздохнула. – Ну а так – сколько есть.

– Ха-ха, Егорова, ты сдурела! – восхитилась она. – Это же бешеные бабки, а у меня ипотека!

– Ну... Сколько есть...

– Тебе надо найти спонсора, мать!

Спонсора... Чтобы спонсировал Аришкино лечение? Ну да, надо, только где...

А Зайкины глаза внезапно зажглись некой азартной идеей – иначе не объяснить появившийся в них загадочный блеск. Бьюти-блогерша доела кусочек черничного пирога, оставшийся на тарелке, и торжественно провозгласила:

– Так, решено! Я утру нос этой Варваре и сделаю из тебя человека! Соглашайся, будет весело! Только нужно твоё разрешение на съёмку!

– Зайка, подожди, какая съёмка? У меня же работа, мелкая в больнице, да и вообще... Мне надо деньги искать... И кто такая Варвара?

На мой растерянный взгляд Зая отмахнулась легкомысленно:

– Ой, да не волнуйся ты так! Варвара – это моя конкурентка, она сейчас выдумывает новые формы влогов, мне надо её опередить! А ты как раз найдёшь свои деньги! Спонсора я обязуюсь лично тебе отыскать! Ты же против секса как такового ничего не имеешь?

– Не имею. То есть... – я помотала головой, пытаюсь прийти в себя от Зайкиного напора. – Я вообще секса не имею!

– Егорова!

Она глянула так, будто я сообщила ей, что у меня хвост и по шесть пальцев на ногах. Потом спросила, понизив голос:

– Ты что, ещё девственница?

– Зая, какое это имеет...

– Огромное! – возопила она. – Это имеет огромное значение!

– Да тише ты!

– Огромное значение, – повторила Зая шёпотом. – Вот тебе и пять «ка» евриков!

– Откуда?

– Ты продашь свою девственность, поняла?

– Кому?

– Госпаде-е-е! Тому, кто предложит за неё больше остальных, понимаешь? Устроим аукцион. Цена первой ночи с Любаней Егоровой – пять тысяч евро!

Правило 4. Шугаринг на ногах, ваксинг в области бикини

Я сбежала от Заи уже через пятнадцать минут, сославшись на занятость и пообещав обязательно позвонить, чтобы назначить новое randevu. Делать этого я, конечно, не собиралась. Глупости какие! Это же сродни проституции! Это, собственно, и есть проституция, торговля телом. Ну ладно, всего одной его частью, но всё равно... Лучше уж почку продать.

Дома, присев на свой диванчик и заварив ещё чифирька, я открыла браузер в телефоне и задумалась. Что написать, чтобы получить нужный результат?

Забила «продать почку».

Через час я решительно закрыла браузер и снова заварила чай. Нет, это не вариант. Совсем. Мне ведь нужно будет работать, чтобы гасить долги и кредит, а с одной почкой... Не побегаешь, тяжести поднимать нельзя, а ведь Аришке могут понадобиться ещё анализы и ещё визиты в Асклепиос для контроля. Значит, почка нас не спасёт. Да и страшновато как-то, всё-таки радикальная операция, к тому же, кинуть могут легко. Останусь без денег и с одной почкой. Лучше уж девственность. Потерпеть полчаса, зато деньги на руки, как сказала Зая.

Я с сомнением глянула на себя в стекло микроволновки. Да кому я нужна вот такая? Нет, серьёзно! Посмотреть на девочек в контакте и обрыдаться. Ну, конечно, я брею подмышки, крашу ресницы, когда на работу иду, блеск на губы кладу... Дезодорантом пользуюсь. Но! Вон, пожалуйста, ссылка на «продам девственность». И фоточки девушек. Даже те, которые живут в письке мира, в каких-нибудь провинциальных городах, выглядят лучше меня! Причёски модные, ногти наращённые, косметика... Ну, чисто новая отштукатуренная стенка!

Хотя... В моду входит естественность. Райские кущи подмышками, они же на лобке, ноги, как у медведя в смысле растительности. На волне такой моды я была бы самой прекрасной! Но верится с трудом, что современные парни и мужчины постарше любят волосатых девушек. Зайка наверняка депилирована во всех возможных и невозможных местах...

Телефон мягко завибрировал, жужжа, на краю стола. Бросила взгляд на экран и схватила в руки:

– Катя? Ну как там?

– Ты нашла деньги?

Голос сестры напугал меня. Безжизненный, слабый, такой... Словно Аришка уже...

– Я ищу, Катюнь, не волнуйся, скоро найду! У нас ещё есть время.

– Нет у нас времени. Не-ту.

– Ну как же...

– Сегодня Колосков звонил в Асклепиос. Нам назначили на пятнадцатое зондирование, на шестнадцатое операцию. Нужно быть там четырнадцатого.

Она говорила так буднично и обыкновенно, будто рассуждала – купить ли хлеб в «Пятёрочке» или сходить до «Семьи». Я замерла. А какое сегодня число?

– Кать, но ведь сегодня девятое! Девятое! У нас же было две недели...

– А теперь нет. Всё. Люба, всё. Приезжай, пожалуйста. Попрощайся с Аришкой, побудь с ней последние дни... Приезжай, а?

Я отняла телефон от уха, положила его на стол. Сглотнула, чувствуя, как слюна комом встала в горле. Как это так? Как это – попрощаться? Нет, нет, должен быть выход! Он где-то есть! Просто мы с Катериной слепые и не видим его! Но он есть, его не может не быть...

– Люба...

Глухой голос сестры из микрофона вернул меня к реальности. Облизнув губы, я взяла телефон и сказала решительно:

– Катя, слушай меня внимательно. Четырнадцатого вы с Аришей будете в Германии. Я тебе это обещаю. Поняла?

– Люб, зачем ты так? Я только начала привыкать к этой мысли... К тому, что Аришка... А ты опять меня обнадеживаешь!

В голосе сестры появились обиженные нотки, она готова

была раскричаться – я прекрасно знала этот тембр. Но так лучше, чем говорить тоном откопанного зомби! Пусть ревёт, пусть истерит, скандалит, обзывает меня, главное, чтобы не хоронила заживо собственного ребёнка!

– Я сказала. Всё. Будет. Хорошо!

Яростно выдохнув эти слова, я аж зажмурилась от напугавшей меня самоуверенности, а потом уже мягче продолжила:

– Пусть готовят все бумаги, заключения, выписки, а ты скажи Аришке, что скоро у неё будет здоровенькое сердечко! Я закажу билеты для вас на четырнадцатое, а пока не смей рассусоливать! Договорились?

– Люба...

– Иди к мелкой. Мне надо позвонить.

Отключившись, я вошла в список контактов, нашла Зайкин номер и застыла над телефоном. Ну? И чего ты колеблешься, Люба Егорова? Противно стало? Не понимаешь, как докатилась до такой жизни? Нажми на иконку вызова. Это не для развлечения, а для Аришки. Всё равно другого выхода нет. Даже продать квартиру так быстро невозможно. А Зая поможет. И моя племянница выживет.

Палец невесомо скользнул по экрану. Слушая длинные гудки, я пыталась успокоить дыхание, чтобы Зая не решила, что я совсем с ума сошла. Вдох-выдох, вдох-выдох...

– Любка, привет! – жизнерадостный голосок Зайки так резко контрастировал с Катиным мёртвым, что мне захоте-

лось взвыть, но я заставила себя улыбнуться, словно одноклассница была передо мной:

– Привет, давно не виделись! Я тут подумала... В общем, я согласна.

– О! Сразу бы так! Я так и знала, что ты согласишься, поэтому уже даже набросала небольшой планчик действий!

– Только у меня форс-мажор, – торопливо предупредила я и испугалась. Сейчас передумает... Откажется.

– В смысле?

– У меня есть м-м-м... три дня, максимум четыре.

В трубке всё смолкло. Я даже отняла телефон от уха и посмотрела на экран – не отключилась ли Зайка без лишних разговоров. Нет, звонок ещё считает секунды. Ну же... Не томи!

– Челлендж, да? – весело откликнулась Зая. – Что ж, я люблю челленджи и дедлайны! Вызов принят, Егорова! Давай, прыгай в метро и приезжай, адрес сейчас скину СМ-Ской!

Я прыгнула. Собралась за несколько минут и побежала обратно. Хорошо, что проездной, иначе в копеечку мне вылились бы все эти поездки. Хорошо, что в метро не было много людей. Хорошо, что я сознательно не думала об Аришке. А все те процедуры, что собирается делать Зая, я выдержу. Ну, депилирует ноги, ну, накрастит... Побуду хоть немножко красивой. Потом быстренько съезжу с каким-нибудь мужчиной, потерплю чуток, заберу деньги и сразу же куплю билеты

для сестры с племянницей.

Жила Зая на Московском проспекте почти у самой Техноложки. В её маленькой квартирке витали вкусные запахи, и я подумала было, что одноклассница испекла несколько сортов разных тортов. Но выпечки в комнате не оказалось. Одни сплошные баночки, скляночки, наборы косметики, духи и штуки, названия которых я не знала, как, впрочем, и зачем они нужны. Выглядела Зайка воодушевлённо. С порога потащила меня к дивану, усадила на зебровое покрывало и распахнула крышку ноутбука:

– Смотри, Любаня, я тут приготовила уже всё! Сейчас прямо в онлайн и будем записывать.

– Как в онлайн? Я думала, ты меня сначала накрасишь и всё такое...

– Ты чего, не врубилась? Мы тебя будем в порядок приводить в режиме записи! Это же и есть моя гениальная идея!

– Так уж и гениальная, – усомнилась я, но Зая лёгким движением руки отмела все возражения:

– Молчи и улыбайся! От тебя вообще ничего не требуется, только быть моделью! Куда?!

– Я не знаю, у меня не получится...

Я мямлила, не зная, как отказать от такого завлекательного предложения, и уже приподнялась было, чтобы встать и уйти. Однако Зая при всей своей кукольной внешности обладала ещё и твёрдым характером. Она всегда добивалась того, чего хотела. Не мытьём так катаньем. В ту же секун-

ду я была усажена обратно на диван, моё лицо обмахнули толстой пушистой кисточкой, и Зая включила программу на компьютере, приговаривая:

– Ты, главное, не тушуйся, прикуси язык и только улыбайся, когда я не говорю тебе не двигать мышцами лица.

– А если не получится?

– Всё получится! Если надо будет – переснимем!

Выглядела она уверенно, говорила безапелляционно, поэтому я притихла на своём месте и глянула в точку, куда указала Зая. В камеру.

Устроившись чуть сбоку и сверху от меня, Зая нажала на клавишу и заговорила бодро и весело, впрочем, как и всегда:

– Здравствуйте, дорогие мои! Сегодня я представляю вам не просто новое видео, но и новый формат видео! Ищите его под тегом #привестивпорядок, а если вам понравится – такие видео я буду снимать регулярно, а жертвы буду выбирать из добровольцев в комментариях!

Жертвы? Ох, спасите-помогите, может, лучше всё сразу прекратить? Но дёрнуться я не успела, хотя и хотела. Зая почувствовала это моё паническое желание сбежать и положила руку мне на плечо. Маленькую нежную ручку с изысканным маникюром, а мне показалось – железную рыцарскую перчатку.

– Сегодня я рада вам представить Любовь. Да-да, именно так: Любовь ищет любовь, а-ха-ха, оцените каламбур! Это моя бывшая одноклассница. Как видите, она не слишком за-

циклена на своей внешности, употребляет самый минимум косметики и похожа на собственную тётю.

Какую ещё тётю? Нету меня тётки! Но Зая тараторила дальше, держа меня цепкой ладошкой и непринуждённо прихорашиваясь второй рукой:

– Я покажу вам на примере Любы, что можно быть красивой и ухоженной, уделяя себе всего несколько часов в неделю. Ну что, Люб, начнём?

Я машинально кивнула, смирившись с судьбой. Раньше сядем – раньше выйдем.

Зая принялась распинаться об очищении, увлажнении, о тониках и кремах, то и дело наклоняясь за флакончиками и баночками и показывая их на камеру. Я сидела обалдевшая и думала только о том, сколько могут стоить все эти средства, которые, по словам Заи, были абсолютно и безоговорочно необходимы каждой девушке. Плавно, но чётко орудуя ватным диском, смоченном в одном из средств, одноклассница быстро сняла с моих губ помаду, а с глаз тушь, велев мне закрыть глаза. Открыть я их забыла и только слушала о видах масочек для лица, об их свойствах и о сочетании с типом кожи.

При словах: «А сейчас я наложу на лицо питающую и омолаживающую маску!» я даже немного испугалась. Теряю время, блин, блин, блин! Маска не принесёт мне нужную сумму денег, может, надо было лучше позвонить Денису, с которым я когда-то встречалась? Хоть половину он точно

мне занял бы... А вместо этого сижу и кукую, позирую тут перед камерой с маской на морде. Хотя, конечно, ощущения приятные. Года два назад, ещё в школе, я пыталась заниматься своей внешностью, как и все девчонки в школе. Собирала травки, делала из них отвары и примочки, маски тоже, но Заина была нежнее, прохладнее и гораздо вкуснее пахла. Я прямо-таки чувствовала, как моё лицо становится всё красивее с каждой секундой!

– Всё, можешь расслабиться, Егорова, – выдохнула Зая, и я услышала, как она жадно пьёт воду из бутылки. – У нас есть десять минут, если что, я тебя разбуду.

И она хихикнула. Я спать не собираюсь, вот ещё! Денису позвонить никогда не поздно. Полежу немножко, красивая морда лица – это вам не хухры-мухры, это и настроение поднимает, и заметно повышает мои шансы найти этого, как его там... спонсора.

– Егорова! Просыпайся!

Вскинувшись, я уронила с глаз кружочки огурцов и заслужила смех Заи:

– Эй, спокойно! Ты чего такая дёрганая?

– Извини, – пробормотала, подбирая огурчики и складывая их на столик. – Я что, уснула?

– Как младенец! Ладно, давай продолжим.

Накрасит? Ноги депилирует? Мои мучения продолжались почти три часа. Заю отличал весьма основательный подход к делу, поэтому я оказалась депилирована почти повсюду.

Правда, в тот момент, когда она занималась линией бикини, камеру моя инквизиторша всё же отвернула. Зато болтала без передышки. Объясняла почему на ногах предпочтительнее шугаринг, а ваксинг – на промежности. Этот последний заставил меня подумать о чёрной ваксе, которой мажут сапоги, и я обмерла от страха. Оказалось – обычный косметический воск. Горячий, зараза! Я держалась изо всех сил, чтобы не орать от боли, и только тихонечко материлась, на что Зая только посмеивалась, безо всякого стеснения комментируя происходящее вне экрана.

Но всё проходит когда-то, прошли и садистские игры с моей кожей. Когда Зая отстала от меня со своим шпателем и воском, я жалобно осмотрела покрасневший лобок:

– Блин, теперь так и останется?

– Темнота ты, Егорова! – хихикнула моя мучительница. – Сейчас кремом помажешь, и завтра всё пройдёт! Слушай, давай уже закругляться. Что там у нас ещё осталось? Маникюр и макияж. Остальное уж как-нибудь сама, договорились? А то у меня цейтнот по времени видео!

Я кивнула. Хотелось скорее закончить с подготовительной частью и найти спонсора. У меня тоже цейтнот...

Однако в понятии Заи «цейтнот» оказался растянутым ещё на полтора часа. Пока маникюр, пока то-сё, пока бла-бла в камеру... Но наконец, и эта тягомотина завершилась. Зая выключила камеру, шумно выдохнула и снова взялась за бутылку воды. Между глотками невнятно сообщила:

– Ну всё, теперь осталось смонтировать, думаю, завтра уже наш с тобой видосик выйдет в свет!

– Хорошо. А как с... моим делом?

– С каким? – удивилась она.

– Ну как же... Спонсор!

– А-а-а, сейчас.

Она изобразила на лице милую, но слегка вымученную улыбочку и махнула рукой, подходя к встроенному шкафу:

– Давай, переодевайся, будем делать фотосессию.

– А это обязательно? – мне снова стало не по себе.

– Слышь? А как мужики выбирать будут? Или думаешь, стоит им сказать, что есть нетронутая писька, и всё, сразу бегут, высунув языки?

– Подожди, а куда ты фотографии поставишь?

– Не твоя забота, – усмехнулась Зая, бросая мне чёрные штаны в облипку и замысловатую маечку-топ. – Не интим же фотки! Есть у меня пара проверенных сайтов. Уже нескольким девчонкам так помогла. Помнишь Веру Кириченко? Она так замуж вышла за богатенького американца, живёт теперь в Майами!

Верка Кириченко, тоже бывшая одноклассница, была модельной внешности и абсолютно непроходимой тупости девушка. ЕГЭ она не сдала аж с двух попыток, но особо от этого не расстроилась. Сама говорила, что в институт ей не надо, а зачем, лучше найти папика и жить как за каменной стеной. Вот, нашла. С помощью Зайки. Ну, я даже не знаю...

Свои контакты она вряд ли сдаст. Ладно...

– Делай, как знаешь, – я махнула рукой, послушно встав туда, куда мне указали.

Зая прицелилась в меня объективом яблокофона и велела:

– Улыбайся!

Я растянула губы в улыбке, но фотографу не понравилось:

– Не так! Улыбайся, будто у тебя никаких проблем!.. Госспаци! Ну не так же! Представь, что ты лежишь на пляже, что светит солнышко, что вечером ты пойдёшь в ресторан... Егорова! Сосредоточься!

Я честно сосредоточилась. Нет матери, Аришка здорова, мне не надо работать по две смены... У меня есть своя комната, где я могу закрыться ото всех и просто лечь на удобную кровать с толстым пружинящим матрасом... У меня есть... Да чего далеко ходить! Место есть, чтобы поставить швейную машинку, разложить нитки, ткань, застёжки, бисер, подкладки, липучки, булавки! И время, чтобы шить любимые сумочки и кошельки! И чтобы никто не трогал, не убирал, не разбрасывал по комнате, не портил...

– Ну вот, видишь? Можешь, когда хочешь!

Зая удовлетворённо ворчала, а телефон щёлкал, запечатлевая меня в разных позах на диване и у сухих цветов в напольной вазе. Просила поворошить распущенные волосы, сложить губы уточкой, растопырить глазки. Я послушно всё выполняла, думая о том, как буду жить счастливо, когда

Аришка вернётся из Германии с новым сердечком.

Наконец, Зая дала отмашку:

– Всё, хватит. Иди сюда, смотри.

Мы просмотрели фотографии, которые мне почти все не понравились, кроме двух. Но эти две Зая решительно забраковала:

– Слишком простенькая тут. Надо что-нибудь поярче, вот эту, например! И эту. О, смотри, вот эта получилась шик – с рукой в волосах!

– Ладно, ты в этом лучше разбираешься.

– Да уж конечно, – усмехнулась Зая. – Всё, вали по делам, а я сейчас кину объяву, тебе потом в вотсапе ссылку пришлю.

– Только это... Побыстрее бы...

Я закусила губу. Как я не люблю просить! Ненавижу! Но Зая – мой единственный шанс достать деньги в срок.

– Слушай, насколько я знаю мужиков, завтра утром у тебя будет минимум пять предложений! – беззаботно засмеялась одноклассница. – А уже вечером сможешь встретиться с одним из них и получить свои бабосики! Только сходи на педикюр и к парикмахеру, умоляю!

– Схожу.

Мимоходом глянув на себя в зеркало, пожала плечами. Нормальная стрижка, чего ей не нравится? Блонд у меня натуральный, волосы слегка вьются сами по себе, ни красить, ни укладывать не надо. А на педикюр схожу, отчего же не

сходить. Вот как только будут предложения от мужчин, так сразу и схожу. Вдруг зря платить придётся?

Правило 5. Всегда бери деньги вперёд

Дома я в первый момент растерянно остановилась посреди коридора. Зеркало, которое в детстве стояло над трюмо, ещё советское, знавшее мать маленькой девочкой, а теперь висело в простенке – тусклое и блёклое – отразило моё лицо. С косметикой глаза стали огромными и доверчиво запахнутыми, скулы – высокими, губы – пухлыми, как у ребёнка. Коснулась пальцем щеки, глянула на него – думала, останется след от пудры, но нет. Закрепителем Зая побрызгала. Сказала до утра держаться будет. А там придётся самой.

А что самой? Если даже тональника нет... Вздохнув, я отвернулась от зеркала. Из-под двери жильца пробивалась тонкая полоска неясного света. Дома. Работает, небось. От матери не доносилось ни звука. Хоть бы уже умерла...

Я прошла на кухню, включила свет и машинально нажала на кнопку чайника. Телефон зажужжал в сумке, и я вытащила его, глянула. Сообщение от Кати. Фотографии Аришки. Нет, не могу смотреть. Не сейчас. Потом. Сейчас надо попить чаю и лечь спать. А завтра будет новый день, новости от Зай, возможно, будут деньги.

Деньги, деньги... Сколько силы в этих маленьких тонких бумажках! Они решают человеческие судьбы, решают, кто

имеет право жить, а кто недостоин... Почему нельзя оперировать малышом, да и вообще всех детей бесплатно? Почему детки должны зависеть от материального положения их семей? Стала бы я миллионершей – всех вылечила бы...

Разложив диван, заварила чай и легла, поставив кружку рядом. Глаза сами собой закрылись. Ничего, вот так чутка полежу, пока чай остынет... Потом посмотрю, где там незаконченный рюкзачок для Аришки. Золотисто-рыжий тигрёнок с полосками-кармашками и глазами из пуговиц. Она должна взять его с собой в Германию. Удачу принесёт... Вот сейчас...

Жужжание телефона заставило меня вскинуться. Схватив его, глянула на экран – сообщение в ватсапе. И время – девять утра! Ох ты ж! Неужели заснула? Всё ещё не веря, взялась за кружку – чай холодный. Ай, как нехорошо получилось. Хотела же шить...

Открыв сообщение, я прочитала: «Две новости позвони». Новости – это хорошо, подумала я, нажимая кнопку вызова, но почему две?

Весёлый голос Заи откликнулся почти сразу:

– О, Егорова! Ну ты и соня!

– Привет, какие новости?

– Наш видосик потихоньку завоёвывает мир! Уже десять тысяч просмотров с хвостиком! Прикинь, как Варвара злится!

– Отлично, – я встала, вылила чай в раковину и нажала на

кнопку чайника. – А вторая новость?

– А, там тебе ответили пятеро. Но трое – дочеры и нищоброды, этих я знаю хорошо. А вот двое достойны внимания. Я тебе скину сейчас ссылки на профили, глянь.

Два сообщения, два подчёркнутых интернет-адреса. Я открыла первый. Мужчину звали Мусса, он был усат, стар и настолько восточен, насколько это было возможно. Захотелось перекреститься, хотя я никогда не ходила в церковь. Нет, нет, только не кавказец! Я быстро закрыла профиль и открыла вторую ссылку. Не скрою, молилась про себя. Пусть он окажется русским и не таким... пожилым!

Игорь. Уф, хотя бы русский... Приятный, но лысый. Лет тридцать навскидку. Зато без бородки, так модной в нынешних барбершопах, хотя и с лёгкой небритостью. Глаза открытые, голубые, холодные. Ему бы Зая точно велела улыбнуться. Ничего, ничего. Не противный. Нормальный. Обычный человек.

Вместе со ссылкой открылось и сообщение от него: «Цена устраивает. Справка нужна. Встретиться готов хоть сегодня».

– Егорова-а-а! Алло-о-о! Алё-алё-алё!

Из динамика телефона звал меня скучный голос Заи. Я переключилась на ватсап и ответила:

– Я тут. Видела. Слушай, второй, молодой который, вроде бы ничего.

– Советую Муссу, он добрый и не жадный.

– Нет, Зай, я не могу... Он старый и...

– Вот потому что старый, потому и добрый! – наставительно сказала Зая. – Нифига ты не сечёшь.

– Не могу я...

– Ладно, как хочешь. Но второго я не знаю. Фотка его, ВИП на сайте, значит, денег хватает.

– А что за справка? – вспомнила я сообщение. Зая ожилилась:

– Да, слетай сегодня к гинекологу, возьми справку у него. Платно можешь хоть за пять минут получить!

– Да какую справку-то? Что ничем не болею?

– Гос-с-спади, Егорова-а-а... – я чётко представила Заю с фейспалмом. – Справку о твоей девственности, блин!

– А... Я не думала, что такие тоже выдают.

– Ещё как выдают! Скинешь ему потом в ватсап, чтобы лишних вопросов не было.

– Слушай, а это обязательно? Ведь всё равно он... кхм увидит!

Зая помолчала, потом сказала странным тоном:

– Егорова. Ты серьёзно или только прикидываешься такой дурой? Ладно, объясняю на пальцах. Справку дашь. Деньги возьмёшь. Отдашь надёжному человеку и останешься с мужиком. Если сделаешь по-другому, мужик может тебя кинуть. Попользуется и выставит вон. Поняла?

– Поняла.

Да, деньги самое главное. То, что будет потом – неважно.

А деньги... Надо отдать надёжному человеку. Которого у меня нет. Кроме Заи.

– А если справки не будет, человек, выходит, покупает ко-та в мешке. Поняла?

– Да поняла я, поняла...

Меня покупают. Я товар. Ну, в принципе, так и есть. Моя девственность, зафиксированная официальной справкой, типа гарантийного талона – товар. Или услуга... Вот интересный вопрос!

– И ещё: никаких приглашений домой, никаких «посидим сначала в кафешке»! Гостиница, обязательно не ниже трёх звёздочек. А на рецепшене спросишь, оплачен ли номер!

– Зая, почему? В смысле, зачем всё это?

– Гос-с-паде... Ну честное слово, как с ребёнком разговариваю! В гостинице надёжнее – а вдруг псих какой-нибудь? Там люди, горничные, охрана. И если номер не оплачен, если зовёт сперва в кафе – значит, нищеброд, попользуется и кинет. Андестенд?

– Ну так андестенд, да...

– Всё, Егорова, некогда мне с тобой. Будет чего конкретного, звони.

Попрощавшись, я положила телефон на стол и заварила чифирёк. На экране остался открытым профиль Игоря. Помешивая в чашке сахар, я то и дело поглядывала на фотографию лысого. Надо ответить. Надо. Лучше он, чем Мусса. И вообще, чего бояться? Мужик ведь, не Ктулху. Не инопла-

нетянин. А мужиков я знаю. Лапы загребушие, глаза, словно пальцы, так и норовят раздеть. В кафе их можно и нужно отшивать, а тут самой надо себя продать. Отдать и взять за это деньги. Всего один раз. А потом они больше никогда не встретятся, не пересекутся. Только трое будут знать об этом неприятном моменте. Он, она и Зая.

Отпив первый глоток, я решительно взяла телефон в руки и нажала на кнопку «Ответить». Поколебалась и написала: «Хорошо, сегодня. Где и во сколько?» Отправила.

Так. Полдела сделано. Теперь надо найти гинеколога.

И одежду. Не идти же в джинсах на первое свидание с парнем, который падок на невинность! Правда, в моём гардеробе только джинсы и есть, да маечки со свитерами. Но вот у Катки вроде было платье, что могло бы подойти. Надо в её комнате поискать... Может, подшить придётся в боках. И туфли на каблучке к платью надо. Колготки, наверное, не стоит покупать, да и тепло на улице.

– Привет!

Я подняла голову на мужской голос. Николай стоял в дверях кухни:

– Как Арина?

– Стабильно плохо. Как достану деньги, поедет в Германию, – сказала я слегка рассеянно, потому что думала в этот момент о выборе между колготками и чулками.

– Слушай, у меня есть пять тысяч.

Господи! Неужели? Неужели мне наконец улыбнулась

удача? Не надо никаких справок, продажи девственности и прочего унижения?!

– Евро? – чуть слышно спросила, потому что дыхание перехватило. Николай хмыкнул:

– Если бы. Рублей. Чем могу, прости. Больше правда нет...

Мир снова рухнул. Эх, жаль... Счастье было так близко – протяни руку и ухвати. Но нет.

Я вздохнула:

– Спасибо. Я обязательно отдам, как только смогу.

– Да не спеши, мне не горит.

Он выложил на стол пять купюр по тысяче и прижал их ладонью:

– Я ещё поищу, где смогу. Всё будет хорошо, Люба!

Я только кивнула, погружаясь в пучину беспричинной тревоги. Мне всё же придётся идти в гостиницу на встречу к Игорю. Что ж...

Уведомление пикнуло на телефоне, и я открыла переписку с лысым богатеем. «В восемь вечера, отель «Бридж», номер скину позже. Дай свой телефон». Памятуя наставления Заи, полезла гуглить отель. По открывшейся ссылке прочитала: четыре звезды, рядом с Адмиралтейством (мама дорогая!), в двух шагах от Зимнего и Медного всадника. Ну, вроде как приемлемо. Написала в ответ свой номер телефона и короткое: «До восьми».

И села на табуретку.

Всё, карты сданы, прикуп неплох, а у меня на руках лишь мелкая карта. Козыри с тузами у Игоря с лысой головой. Сколько времени? Скоро десять. Надо позвонить в кафе и взять ещё день за свой счёт. Арт-директор меня убьёт... Но не суть. Потом к гинекологу, к платному, конечно, потому что бесплатного буду ждать два месяца. Напоследок заскочу в салон тут рядышком на проспекте Стачек, и уже красивая поеду сразу в отель. Заю вызвоню и упрошу заскочить туда со мной, деньги на сохранение отдам.

Мелькнула мысль – может, попросить Николая? Он и подвезёт, и деньги возьмёт... Но ведь придётся объяснять, почему она за деньги встречается с женщиной в гостиничном номере. Нет, нет, это исключено! Он может неправильно понять, а раз может – значит, и поймёт неправильно. Поэтому посвящать жильца в это дело я не буду. Всё, проехали и вперёд, дел полно.

До вечера всё складывалось как нельзя лучше. Я успела везде. Выдержала унижительную процедуру у врача, когда та потрогала, осмотрела и сказала: «Действительно, девственница». Справка получилась солидная, с печатью, с витиеватой подписью. И написана красиво. Сфотографировав её по выходу из кабинета, я послала в профиль Игоря, и пошла в сторону салона красоты. Там меня милостиво приняли в неожиданно нашедшееся окно и быстренько постригли, уложили волосы в красивое каре, а потом привели в порядок ноги.

Когда я шла домой, меня начало потряхивать. Умом я понимала, что сейчас надо принять душ, одеться, накраситься по заветам Заи и ждать восьми. А душой мне хотелось оказаться далеко-далеко от Питера, и чтобы исчезли все волнения и страхи, чтобы Аришка вдруг оказалась здорова, чтобы не было матери – просто не было никогда на свете... Хотелось забрать в хвост путающиеся в глазах волосы, слиться с толпой, не видеть взглядов, провожающих меня. Найти дома Катьку – весёлую хохотушку, старшую сестрёнку, которая всегда заступалась за меня перед пьяной матерью и приберегала подаренные ухажёрами вкусные сладости или неизвестно где добытые шоколадные конфеты...

А ещё хотелось плакать. Хотя я не плакала уже лет десять.

Дома меня всё же отпустило. Запасной ключ от Катиной комнаты хранился в тайнике – в ножке табуретки. Несколько лет назад один из её кавалеров, который дружил с инструментами, наделал нам тайников по всей квартире, где можно было прятать деньги и ключи. Мать, когда мучилась похмельем, нашла некоторые из записок, но не все. Табуреточный тайник ещё не был раскрыт.

Шмотья у Катерины было не слишком много, но побольше и позатейливее, чем у меня. Маленькое чёрное платье сестра хранила в память о муже, который бессовестно бросил её с грудным ребёнком, со смертельно больной Аришкой. Правда, Катька оправдывалась, что платье жалко – шёлковое, вечно модное, похудеет после родов и будет надевать, но надела

она его лишь два раза. Третий раз будет мой. Мне оно впо-
ру. Коротенькие сапожки на длинном каблуке – тоже чёрные
и со стразами – достались сестре на распродаже. Она была
так счастлива, когда прибежала с ними домой буквально в
обнимку, всё вертелась перед зеркалом, ахала от восторга.
Результат: не выгуляла их ни разу. А продать не хотела. «Ну,
Люба-а-аш! Ну, они так подходят ко всему! В клуб надену
когда-нибудь, пусть пока постоят!» А я выгуляю. Как раз к
платью самое то. Не Катька, а я буду в них неотразима...

Время близилось к семи, а я сидела на кухне одетая, на-
крашенная и донельзя нервная. Пила третью кружку чифирия
и старалась унять дрожащие руки. Шить всё равно не полу-
чится, только пальцы исколю. Экран телефона отключался
каждую минуту, а я упорно активировала его, чтобы не про-
пустить звонок или уведомление. Совсем забыла, что мож-
но выставить время деактивации на десять минут... Пани-
ка, паника! Всё пропало, он не позвонит, он откажется, всё
зря... Зря...

Я встала, нажала на кнопку чайника и вдруг услышала
звук из телефона. Резко обернулась. Если бы моя кухня была
больше размерами – я точно навернулась бы на каблучищах.
А так успела схватиться за стол и схватить телефон. Сообще-
ние в вотсапе от Игоря. «Номер триста два. Не опаздывай».

Господи, спасибо!

Так, что ли говорят? Да шут с ним, всё равно, какому богу
молиться, главное, чтобы помогло! Всё, теперь надо позво-

нить Зае.

– Алло? – отозвалась бывшая одноклассница. – Егорова? Чего там у тебя?

– Надо ехать, – нервно сказала я. – Он мне прислал номер. Ты же меня проводишь?

– Провожу, не ссы. Ты дома? Давай выходи куда-нибудь, встретимся на улице.

– Давай на углу у цирка.

– Замётано, жди.

До цирка я доковыляла так, словно у меня на ногах вместо сапожек на каблуках были ходули. Как в этом ходить? Это же пытка, а не удобная обувь! Это вам не кроссовки... Блин, надо было взять хотя бы тапочки в сумку. Но теперь уже поздно, возвращаться не буду, да и примета плохая.

Зая подъехала на своей мини-машинке светло-розового цвета и посигналила с правой полосы:

– Запрыгивай!

Я запрыгнула. Надеюсь, со стороны это выглядело, как грациозно скользнула в открытую дверцу, но в данный момент меня волновало только одно: чтобы Игорь меня не кинул на деньги. Чтобы отдал их, как договорились, а потом хоть трава не расти.

Как Зая умудрялась смотреть одновременно на дорогу, в зеркальце заднего вида и на меня, я не понимала. Но факт: она не упустила ни единой детали.

– Пудра дрянь, я же говорила – надо тональник нормаль-

ный покупать! И что за тушь у тебя? Все ресницы слиплись... Гос-с-спаде, Егорова, ну вот не в коня корм, чесслово!

– Я старалась, – попыталась оправдаться. – Но я не умею. И другой косметики не было.

– Лук, Егорова, это самое главное.

– При чём тут лук?

– Лу-у-ук блин! То, как ты выглядишь, неуч. Мы же инглиш учили в школе, всё забыла?

– А-а-а...

– Бэ-э-э, – передразнила она. – Ладно, всё поправлю на парковке. Ты видосик видела?

– Нет.

– Дура. Там так классно вышло! – Зая захихикала. – Особенно, как ты орёшь при депиляции!

Я поёжилась. Ну вот, ославили на весь мир... Как я ору, ага.

Гостиница была в самом центре. На Адмиралтейской набережной, напротив Невы, катившей свои величественные воды к Балтийскому заливу, шумевшей фоном и гулом катеров и прогулочных кораблей. Зая ловко свернула под арку, остановив машину на парковке, и повернулась ко мне:

– Не забудь спросить, оплачен ли номер. Закрой глаза, поправлю тени... Теперь открой, смотри вверх... Не дёргайся!

Она быстро наложила тени, тушь, прошлась по лицу спонжиком и удовлетворённо выдохнула:

– Ну вот, сейчас ты выглядишь почти нормально. Презервативы взяла?

– Н-нет... А надо было?

Зая ничего не ответила, только глаза закатила. Значит, надо было. А я не подумала. Я вообще походу ни о чём не думала, только о деньгах...

Покопавшись в сумочке, одноклассница протянула мне блистер презервативов и пакетик влажных салфеток:

– На, дарю на первый раз. Сколько времени?

– Без пятнадцати восемь, – ответила я, достав телефон. Подумав, спрятала в сумку вместе с дарами Заи и добавила: – Наверное, надо идти, да? Он сказал – не опаздывать.

– Это как ты сама желаешь, – усмехнулась та. – Женщина может опаздывать, если знает, что её подождут.

– Я лучше вовремя приду. Только бы не свалиться на этих жутких ходулях!

– Спокойно, ставь ногу на всю стопу, а не «каблук-носок». И коленки не сгибай, а то выглядишь, как кузнечик!

Я очень старалась. Но всё равно чувствовала, что выгляжу даже не кузнечиком, а старой проституткой в подпитии. Добравшись до стойки в холле, который я даже не рассмотрела, обратилась к дежурно улыбнувшейся мне девушке в строгом чёрном костюме:

– Здравствуйте, меня ждут тут...

– В каком номере? – осведомилась девушка, возя мышкой по коврику.

– В триста втором.

– Да, мне оставили указания. Можете подняться на лифте или по лестнице.

Она показала направление, но я, помявшись, спросила:

– А скажите, пожалуйста... номер... он оплачен?

Мне было неловко спрашивать – что она обо мне подумает? Но девушка только снова улыбнулась и ответила:

– Полностью оплачен на сутки.

Я обернулась к Зае, и та выставила большой палец вверх:

– Пошли!

Мы поднялись на третий этаж на лифте. Пешком я бы не рискнула. Когда лифт остановился, меня снова охватила дрожь – сильная, мелкая и неостановимая. Стресс, чтоб его... Сейчас бы выпить что-нибудь, что-нибудь крепкого... Водки или коньяка...

– Стучи, мать, – Зая подтолкнула меня к двери с золочёным номером «302», и я постучала. Зажмурившись, вдохнула, выдохнула и открыла глаза, когда услышала шаги за дверью.

Он был вполне симпатичным. Как на фотографии, но более расслабленным. Глаза, правда, всё равно холодные. Переведя взгляд с меня на Заю, Игорь строго сказал:

– Я договаривался с одной девушкой.

– Это она, – быстро ответила Зая, подтолкнув меня снова. – Я с ней за компанию, только деньги заберу на всякий случай.

В голубых глазах мелькнула ироничная усмешка, и Игорь вопросительно глянул на меня. Надо что-то сказать. Хотя бы поздороваться.

– Добрый вечер, – выдавила я сипло и откашлялась. – Да, это я Любовь. А деньги она заберёт. На всякий случай.

Его брови слегка приподнялись, но Игорь только жестом пригласил меня войти. Зая осталась в коридоре. Я поспешно достала из сумки справку:

– Вот, то что я скидывала в ватсап.

Он наклонился к лежавшему на кровати портмоне и достал из него толстую пачку зелёных банкнот:

– Вот то, что я обещал.

Я взяла деньги в руки и сжала так, что костяшки пальцев побелели. Вот оно, новое сердечко для Аришки! Всё прекрасно, всё чудесно!

– Ну? Мы тройничок устроим, или мне идти? – вякнула от двери Зая.

Я опомнилась. Не надо тройничка, мне бы хоть так выжить... Сунула ей деньги и сказала тихо:

– Я тебе позвоню, как только... ну это...

– Ладно, звони, – усмехнулась подруга, пряча пачку купюр в сумочку. – Удачи вам обоим!

Она закрыла дверь со стороны коридора, и я осталась наедине с Игорем.

Правило 6. Пользуйся презервативом

Гостиничный номер был в лиловых тонах. Диван, перед ним белый столик с тонкой сиреневой салфеткой, а на ней – ведёрко с бутылкой шампанского, полное льда. Дорогой отель, а бокалы дешёвые: я видела такие в «Метро» по сто двадцать рублей. Люба, соберись с мыслями! Не о том думаешь...

Я так и торчала посреди номера, прижимая к животу сумку, когда Игорь обернулся ко мне и жестом указал на диван: – Чего стоишь, располагайся.

Диван оказался жёстким, прохладная кожа сразу прилипла к голым ногам, и я передвинулась на самый его краешек. Игорь же снял пиджак, бросив его на спинку рядом стоявшего кресла, ослабил галстук – красивый, в синюю и голубую полоску – и тяжело опустился около меня. Я, как замороженная, смотрела на его руку с дорогими часами на запястье. Обручальное кольцо тускло блеснуло в свете лампы. Он женат. Как это мило... И встречается в отеле с девственницами... Тьфу, ну мне же не жить с ним! Какая разница?

Рука аккуратно взяла завёрнутую в салфетку бутылку из ведёрка, а голос – приятный, с хрипотцой – спросил:

– Хочешь шампанского?

Я кивнула, потом спохватилась. Люба, это как с клиентами в кафе. Надо разговаривать и улыбаться. Я продублировала «голосовым сообщением»:

– Да, спасибо.

И улыбнулась.

Игорь разлил пенное вино по бокалам:

– Любовь – это твоё настоящее имя?

– Ну да, – удивлённо ответила я, принимая свой бокал.

Наши пальцы соприкоснулись. У него ледяные руки.

– Прикольно, я думал, это такой «говорящий» псевдоним.

Я только плечами пожала.

– Ну, я тоже Игорь по паспорту. Выпьем за правду.

Наши бокалы тоненько звякнули друг о дружку, и я отпила немного шампанского. Брют. Ничего вычурного, слегка кисленькое, без особых ароматов. Игорь тоже глотнул, потом спросил:

– Ну, расскажи, как ты докатилась до такой жизни?

Спросил вроде как и с юмором, весело, но его голос мне показался усталым и равнодушным. Да и что ответить? Правду? Соврать?

– Просто деньги нужны, – я снова пожала плечами. Шампанское приятно холодило язык, а потом будоражило всё тело пузырьками. Надо ещё выпить.

– Ты учишься или работаешь?

– Работаю.

– И денег не хватает, – с усмешкой подытожил он, отки-

дываясь на спинку дивана. Теперь мне стало неудобно – будет разговаривать с моим боком. Слегка повернулась, чтобы он видел моё лицо. Привычка. Клиенты в кафе...

– Шла бы ты выучилась на секретаршу, потом бы сидела в какой-нибудь приёмной большого концерна или предприятия, как моё, печатала бы документы, подносила на подпись и варила кофе.

В его голосе уже был откровенный сарказм, но я списала его на тот факт, что, возможно, он не любит своего секретаря.

– С таким миленьким личиком, как у тебя, это вообще плёвое дело.

– Мне кажется, эта работа называется «делопроизводитель».

Нет, Любаня, шутить ты не умеешь. Что за глупости ляпаешь?!

Игорь, видимо, был того же мнения, потому что решил прервать обмен любезностями. Он пересел поближе, подвинулся ко мне, обдав лёгким запахом дорогого одеколона, и спросил так буднично, словно делал это каждый день:

– Я поцелую тебя?

Ну, и что ответить на это? Я кивнула. Зачем спрашивает – ведь я пришла за этим. Игорь обнял меня за плечи, привлёк к себе и коснулся губами губ.

Я думала, будет противнее.

Но его губы оказались мягкими, ласковыми, настойчивы-

ми. В первый и последний раз я целовалась на выпускном, полтора года назад, и моим партнёром был brutальный и невыносимо красивый одноклассник, который обычно клеился к более симпатичным и ухоженным девочкам. А в тот раз решил порадовать всех «отсталых», среди которых затесалась и я. Точно такое же впечатление сложилось и сейчас, с Игорем. Будто он за свои деньги занимался благотворительной акцией – подними девушке настроение и дай уверенность в себе...

Вторжение в моё личное пространство я пережила кое-как. Ну так... Приемлемо. Закрыла глаза. Постаралась не думать о том, что совсем не знаю человека, который целует меня. Его рука легла на мою грудь, и я вздрогнула от неожиданности. Подумала, что похожа на пугливую лошадь... Меня надо успокаивать и гладить, предлагать сахарку...

Как он целуется! Наверняка у него было много женщин... Даже язык у него не противный, со вкусом шампанского и мяты. Жвачку жевал до моего прихода... А пальцы аккуратно освободили одну грудь от платья, спустив бретельку с плеча, сжали легонько, нашли сосок... Что-то неразборчивое родилось в животе от этих простых движений. Что-то затрепетало. В любовном романе написали бы – бабочки. Катюха сказала бы – глисты... Но мне стало приятно. Даже захотелось, чтобы Игорь обнял покрепче, чтобы обнажил и вторую грудь, чтобы уже наконец взял меня...

Он поднял мою голову пальцем за подбородок и, глядя в

глаза, проникновенно спросил:

– Может, пососёшь, малыш?

– Что?

В первый момент я просто не поняла, о чём он говорит. Потом до меня дошло – он просит минет. И почувствовала, как наливаются жаром уши и щёки.глянула вниз – Игорь уже расстегнул ширинку. Ой нет, лучше не смотреть! Хотя... Всё равно придётся ведь...

Мужское достоинство оказалось вполне себе симпатичным. Раньше я его видела только на картинках, случайно открытых в гугле. И то издалека. А тут – вот оно, рядом, на расстоянии даже не вытянутой руки, а каких-то двадцати сантиметров. Игорь взял мою ладонь, положил на член и ненавязчиво подтолкнул к нему лицом. Ох ты ж... Это мне надо... взять вот это в рот? Хорошо, что тёплый, а то я до недавнего времени представляла его холодным и... скользким, что ли. Неизбежного не избежать, это правило жизни я выучила уже давно, поэтому просто наклонилась и коснулась губами тёплой нежной кожи. В душе не чаю, как делать минет, придётся импровизировать.

Лёгкий запах мыла...

Почти бархатная головка удобно заполняет рот.

Я облизываю её языком и чувствую рукой, как член твердеет.

Надо, наверное, сосать, как конфету? Втягиваю в рот, отпускаю. Игорь молчит. Хочу посмотреть на него, но не мо-

гу заставить себя открыть глаза. Не могу. Но делаю, как мне кажется лучше. Тихий стон сверху... Ему нравится? Уже неплохо.

Его рука на моём затылке. Давит... Неотвратимо насаживает на член. Ужинала ли я? Нет. Поэтому рискую показать ему только выпитый чай. Внутри всё выворачивает, и я чуть ли не блюю на Игоря. Он отталкивает меня, смотрит сверху вниз непонимающе.

– Ты чего?

– А чего вы его суёте? – отдышавшись, отвечаю с обидой, которую не удаётся скрыть.

Смешок.

– Я думал, вы все мастерицы «глубокого горла»!

– Не знаю, что это.

– Ты никогда не... занималась оральным сексом?

В его голосе удивление. Я тоже удивлённо пожимаю плечами, вытирая слюни с подбородка:

– Нет.

– А анальным?

– Нет. А что?

Похоже, Игорь шокирован. Нет, не шокирован, просто он такого явно не ожидал. Интересно, он ждал девственную проститутку?

– Ничего, – бормочет он и тянет меня за плечо. – Хочешь ещё шампанского? Потому что я хочу.

Второй бокал мы выпили в молчании. Даже как-то нелов-

ко стало. Наверняка за свои деньги Игорь надеялся на гораздо большее. Ну, а что поделывать, если я не умею, не знаю, не училась! Да, всяких курсов полно в Питере – и на шесте стриптиз танцевать, и минет делать, но мне до недавнего времени даже в голову не приходило, что всё это может понадобиться. Так бы подготовилась...

Но я не успела подготовиться даже к тому, что Игорь сгрёбёт меня в охапку, как взрослый ребёнок, и понесёт за ширму на кровать. Даже взвизгнула от неожиданности. А он только усмехнулся:

– Ну, ты чего? Тебя приятно носить на руках – не оттягиваешь!

Я улыбнулась невольно. Конечно, что там во мне того веса... Игорь положил меня на покрывало и прилёг рядом:

– Я раздену тебя, или сама?

Но, не дожидаясь ответа, потянул подол платья вверх, обнажая мне бёдра. Смущаться поздно, Люба, молчи и не дыши... И глаза закрой...

Я запомню его навсегда, наверное, потому что Игорь воплотил мечту любой девушки о первом разе. Не то чтобы я когда-то особо мечтала, кто и как лишит меня девственности, но как и у всех были идеальные представления об этой ночи. Он раздевал меня медленно и осторожно, ласкал там, где было приятно, и явно знал, что нужно делать, чтобы доставить девушке удовольствие. Скажу честно: было хорошо. Без особого наслаждения, без каких-то изысков, без обычно

описываемых волн восторга или облаков экстаза... Игорь наверняка был опытным любовником, потому что не стал ломиться сразу в нужное отверстие, а сперва сделал то же самое, что и я недавно – опустил ниже, между моих раздвинутых ног, стащил трусики и коснулся языком лона.

По телу пробежала дрожь. словно электрический разряд пропустили, слабенький, но ощутимый. Схватившись пальцами за покрывало, я смяла его безжалостно, пытаюсь контролировать себя. Но чужой язык между складок моего интима, на самой чувствительной точке, тоже не знал пощады. Он менял тактику, то касаясь легонько, то нажимая сильнее, то порхая бабочкой... А я отзывалась, постанывая, выдыхая, умоляя про себя, чтобы он быстрее покончил с этой мукой. Слишком боялась, что мне понравится.

Ну, и наконец пришёл час расплаты за удовольствие.

Оторвавшись от моего клитора, Игорь подтянулся ближе и шепнул:

– У тебя вкусная киска! Хочешь попробовать?

Поцелуй застал меня врасплох. Нет, мне не слишком хотелось пробовать, но выбора не осталось. Я снова зажмурилась, принимая губы Игоря с покорностью, которой от себя не ожидала. А он, не отрываясь, разделся, почти молниеносно и совершенно незаметно. Я лишь ощутила, что моего тела касается не гладкая ткань брюк, а голые ноги, вполне себе волосатые и тёплые. Что-то ёкнуло внутри. Сейчас... Сейчас всё случится...

Игорь зашуршал чем-то, и я открыла глаза. Разорвав упаковку презерватива, он ловко натянул его на член и раскатал по всей длине. Я даже удивилась мимоходом, забыв бояться – как только налез на такой длинный ствол? Но удивляться было некогда. Игорь уже лежал на мне, между всё ещё раскрытых ног, дыша в лицо:

– Малыш, ты готова?

Поколебавшись, я кивнула. Приготовилась. Стиснула зубы. Но он не дал мне запаниковать, снова целуя, теребя сосок пальцами:

– Я постараюсь аккуратно...

Уж постарайтесь, пожалуйста.

Терпеть оказалось недолго. Да и не было так уж сильно больно. Я даже удивилась, что всё прошло так хорошо. Просто как будто укололо в промежности, я ощутила лёгкое жжение, а вслед за ним странное чувство – меня будто наполнили изнутри. Игорю, видимо, тоже нравилось – он тихо стонал, размеренно двигаясь на мне и во мне, и от этих стонов на меня нахлынуло не знакомое ранее возбуждение... Интересно, так всегда теперь будет? Я буду чувствовать эту тягучую негу каждый раз?

– Малыш, тебе не больно?

– Нет, – шепнула в ответ, прикрывая глаза и пытаюсь следовать волне, на которой качалась.

– Тебе хорошо? Тебе нравится?

– А вам?

– Ты такая узкая, это просто здорово...

– Секс – это должно быть здорово, разве нет?

Сдавленный смешок.

Стон.

Я вздрогнула от неожиданно пришедшей тупой боли, а Игорь глухо зарычал, вдавливая меня бёдрами в матрас, и замер.

– Ой...

– Что такое? – тяжело дыша, с закрытыми глазами спросил он.

– Больно.

– Ну, так и должно быть, вроде как...

– Я не в курсе, у меня это в первый раз, – попытка связать засчитана. Пора выбираться из-под него. Я дёрнулась, недвусмысленно дав понять, что Игорь давит, и он отвалился в сторону, ответив саркастически:

– У меня тоже, представляешь!

– Вы девственник?!

– Ну, не глупи! Ты у меня первая невинная малышка.

Я только плечами пожала. Попробовал – и ладно. А мне пора.

– Ладно, спасибо за приятно проведённое время, я пойду, пожалуй...

И потянулась за платьем. Где же мои трусы? Но Игорь лениво поцыкал языком:

– Куда? Куда собралась?

– Домой.

– Ты думаешь, я выложил пять штук зелёных за полчаса?

– Так ведь... дело сделано, что ещё?

Он рассмеялся, и голубые глаза внезапно потеплели:

– Ишь, какая деловая! Пошли в душ, малыш. Хочешь ещё шампанского?

Пришлось выпить очередной бокал и последовать за Игорем в маленькую, но удобную ванную. Там я рассмотрела по-лучше моего первого мужчину. У него было очень красивое тело. Мускулы не выпирали из-под кожи, не бугрились, как у спортсменов, но я чувствовала их, когда Игорь, вручив мне гель для душа, намекнул, что неплохо было бы потереть ему спинку. Я потёрла и спинку, и животик, и то, что было внизу животика. Так потёрла, что член снова встал, подрагивая и тыкаясь мне в бедро. Игорь сунул мне душ в руку и выско-чил из ванны:

– Момент, малыш, никуда не уходи!

Я и не собиралась. Тёплые упругие струи душа смывали запах Игоря и расслабляли. Деньги есть! Есть денежки, де-нежки недостающие! Скоро я уйду отсюда, из этого номера, заберу их и утром положу на счёт. А потом сразу переведу в Асклепиос, сразу же, тотчас после перевода куплю два биле-та на самолёт для моих девчонок... Они улетят в Германию, и я вздохну спокойно. Забуду всю эту историю...

Игорь вернулся уже с одетым членом наперевес и без слов, забравшись ко мне в ванну, развернул меня лицом к стене и

надавил на спину, заставляя нагнуться. Пальцы скользнули во влагалище, и я снова ойкнула. Игорь же прижался к моей спине, шепнул на ухо:

– Сейчас будет лучше, вот увидишь!

Снова обожгло изнутри, но лишь на короткий миг. Я уткнулась носом в сгиб локтя, держась за кафель ладонями, и только фыркнула:

– Осторожно...

– Что, опять больно?

– Толкаете сильно!

– Ну, так у меня и не десять сантиметров, – самодовольно усмехнулся он, продолжая с каждым толчком погружаться всё глубже в моё тело. Не выдержав, я простонала:

– Аккуратнее...

– Я аккуратно...

– Не так сильно...

– Тебе понравится...

– Что тут может нравиться... – шепнула я сама себе, чтобы он не услышал, и зажмурилась. Руки Игоря ласкали мои груди, возбуждая несмотря на тупую боль внутри, и в животе родилось ощущение сытой наполненности. Мне это всё-таки нравится, блин, блин, блинский блин! Просто секс, без никаких чувств к этому первому в жизни мужчине...

После душа мы снова переместились на кровать, снова пили шампанское, целовались. Меня научили минету, правда, в этот раз Игорь не настаивал на глубине, но подбадривал и

подсказывал, как надо ласкать пальцами и языком. Потом он заказал в номер корзинку фруктов, и мы допивали шампанское под сливы, виноград и кусочки манго...

А когда он уснул, я мышкой выскользнула из-под отяжелевшей руки и, подобрав с пола платье с трусами, оделась. Надо домой. Не ночевать же в гостинице! Никто меня не гнал и не удерживал, но мне хотелось поскорее забрать пачку долларов и почувствовать их шуршание, их краску, их власть. Новое Аришкино сердечко! Уже совсем скоро!

С сапожками наперевес прокралась к выходу, но вернулась. Игорь лежал на покрывале, и мне стало жалко мужчину. Замёрзнет, заболит... Накинула свободную сторону одеяла на сопящее тело, укрыла ноги и тогда со спокойной совестью вышла из номера.

Время приближалось к часу ночи, метро давно закрылось, но пешком я не потопала. Хотя тут и недалеко. Как большая, ответственная девочка (уже нет) вызвала такси. Гулять так гулять! Да и второго Николая в этот раз может не оказаться рядом. Заказанное такси подъехало быстро и домчало меня до Заиного дома за пятнадцать минут.

– Подождите меня, я сейчас.

Заберу деньги и доеду домой. Приму души и лягу спать. Как же всё-таки хорошо вышло!

Заин номер не отвечал. Неужели спит? Я ждала, считая гудки и начиная нервничать. Нет, всё будет хорошо. Она просто уснула. Сейчас ответит. Сейчас...

– Алё?

– Зай, привет, это я.

Правило 7. Борись до последнего

– Кто я?

– Ну я, Люба. Я уже в подъезде, сейчас поднимусь за деньгами.

Ступенька, ещё ступенька. Голос в телефоне:

– Егорова, ты что, набухалась там? За какими деньгами?

Я даже остановилась.

– Как за какими? Я же тебе отдала на хранение! Пять тысяч. Просыпайся, Зай!

– Я не знаю, о чём ты сейчас говоришь, но тебе надо домой баиньки. Проспись немного.

– Зая... Это я, Люба, ты чего! Я тебе отдала деньги, чтобы забрать их потом. За девственность. Ты проснулась?

– Егорова, ты сдурела или что? Какие деньги?

– Ну, ты же была со мной в гостинице...

– Я не знаю, что тебе дали в гостинице, я тебя проводила для компании. Никаких денег ты мне не давала.

– Подожди, я сейчас поднимусь к тебе...

– Даже и не думай. Я сплю. А ты езжай домой. Вообще уже, все с ума посходили!

В голосе Заи появились обозлённые нотки. Я даже усомнилась – а были ли деньги? Может, мне всё приснилось? Нет, нет же! Я дала ей пачку долларов в руки. Она спрятала их в сумочку. И улыбнулась...

– Зая, ты же мне ещё удачи пожелала... Послушай, ты не можешь так со мной поступить! У меня мелкая в больнице, ей нужна операция...

– Егорова, я тебя предупреждаю: если ты сейчас заявишься ко мне, я вызову полицию. Напишу заявление о клевете, ты пойдёшь под суд! А потом уже с полицией будешь объясняться, у кого ты какие деньги брала за секс. Поняла?

– Зая...

Я просто не знала, что сказать, как ответить, чем вразумить. Только поняла, что денег нет. Нет и не будет.

Как она могла меня кинуть?

Как?

В голове не укладывалось. Просто по-человечески... Впрочем, я ни разу не сказала Зае, зачем мне деньги. Но сейчас же сказала! Может, она не расслышала?

– Зоя, – я даже назвала её настоящим именем, а не дурацкой кличкой. – Моей племяннице осталось жить две недели, если я не заплачу клинике. Она умрёт. Ей всего три года...

– Егорова, алло! Я тебе объясняю популярно, что за вымогательство и клевету я тебя засужу. А ты решай сама, что делать. Мне совершенно параллельно, что ты делала в гостинице, за деньги или бесплатно. Я знаю только одно – ты мне никаких денег не давала, и я тебе ничего не должна! Ещё и в порядок человека привела бесплатно, а она недовольна! Иди домой, Егорова. Для тебя же будет лучше.

– Сука ты, Зая! – в сердцах бросила я, не найдя ничего

лучше. А она сладко пропела в телефон:

– Разговор записывается, так что всё против тебя, дорогая!

Прервав звонок, я прислонилась к стене. Сердце билось в ритме похоронного марша – редко и странно, будто сейчас остановится. Вдох-выдох. Люба, надо что-то делать... Надо. Но что?

Что. Мне. Теперь. Делать.

Вариант всё же пробиться к Зае не прошёл на голосовании. И правда, как я объясню, откуда взяла деньги в гостинице? А бывшая одноклассница очернит меня как пить дать... Мне нужны деньги. Кровь из носа. Почему я согласилась на Заино предложение? Боялась, что Игорь меня кинет. А вышло вон как. Меня кинули, но вовсе не Игорь.

Игорь... Я должна вернуться к нему. Должна уговорить дать мне денег взаём. Как умею и знаю. Это вопрос жизни и смерти Аришки...

И такси ждёт.

Такси почему-то в этот момент показалось мне самым важным. Надо спуститься, стоит ведь, счётчик тикает... Да, я вернусь в гостиницу. Упаду на колени перед Игорем, умолю. Другого способа у меня нет, да и целки тоже уже нет, иначе можно было бы договориться с Муссой, пусть он страшненький и старый.

Я внезапно остановилась. У меня же есть аккаунт на том сайте, где я писала Игорю! Я быстро разблокировала теле-

фон и вошла в закладку браузера. Но сайт показал мне несуществующую страницу. Я попыталась залогиниться, но мне вежливо сказали, что такой почты не существует в их базе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.